

Судьбы
книг

Л. Ю. Брауде

ПОЛЕТ
НИЛЬСА

«КНИГА»

Судьбы книг

Л. Ю. Брауде

Полет Нильса

Судьба книги Сельмы Лагерлёф

Издательство
«Книга»

Москва
1975

002
Б87

Б $\frac{61001-052}{002(01)-75}$ 4-75

© Издательство «Книга», 1975 г.

Поразительно сложилась судьба замечательной шведской писательницы Сельмы-Оттилии-Лувисы Лагерлёф, самой знаменитой женщины Швеции конца XIX — начала XX века. Она прожила 82 года, из них 50 отдала творчеству. Лагерлёф стала автором 27 крупных произведений, лауреатом Нобелевской премии — «за благородный идеализм и богатство фантазии», одним из 18 «бессмертных», одним из 18 членов Шведской Академии, а также почетным доктором Упсальского университета. Даже одной из книг этой писательницы было бы достаточно, чтобы обессмертить ее имя. В молодости Лагерлёф создала единственный в своем роде роман «Сага о Йесте Берлинге» (1881—1891). В годы зрелости — замечательную книгу для детей «Удивительное путешествие Нильса Хольгерсона по Швеции» (1906—1907). В старости — трилогию о Лёвеншёльдах — романы «Перстень Лёвеншёльдов» (1925), «Шарлотта Лёвеншёльд» (1925) и «Анна Сверд» (1928).

Удивительно сложилась и судьба этих ее книг. При жизни писательницы ценность произведений для детей и для взрослых измерялась по разной шкале. И никому не могло бы тогда прийти в го-

лову сопоставить их друг с другом, хотя «Удивительное путешествие Нильса...» (далее мы так и будем называть его) уже в начале XX века завоевало признание. Сейчас все эти книги вошли в мировую литературу, их с равным интересом читают дети и взрослые. Когда в 1958 г. по призыву Всемирного Совета Мира народы земного шара отмечали столетие со дня рождения Сельмы Лагерлёф, они чествовали не только автора прославленного романа «Сага о Йесте Берлинге», но и автора книги «Удивительное путешествие Нильса...» Книжки, которая стала самой популярной из всех творений Сельмы Лагерлёф и подлинно народной не только в Швеции, где выдержала уже около 70 изданий, но и в других странах.

«Встреча» с Нильсом Хольгерсоном

Стоило, бывало, поднять голову, увидеть пролетающую мимо стаю птиц, и казалось, будто птицы кричат:

— Где ты? Я здесь! Где ты? Я здесь!

— Помоги мне, я помогу тебе! Помоги мне, я помогу тебе!

— Ты со мной, а я с тобой! Ты со мной, а я с тобой!

И невольно, сложив рупором руки, я кричала вслед птицам:

— Куда летите? Куда летите?

А они отвечали:

— В страну, где не нужны ни свечи, ни спички!.. В страну, где нет ни горя, ни болезней!.. Туда, где нет ни книжек, ни уроков!

Так было всегда. Почти с самого детства, с тех пор, как прочитала сильно потрепанный томик дореволюционного издания книги «Удивительное путешествие Нильса Хольгерсона по Швеции».

И ничего удивительного не было в том, что летом 1968 г., по дороге в эту страну, крики птиц, то радостные, то горестные, все время преследовали меня...

...где нет ни горя, ни болезней!.. где нет ни книжек, ни уроков!

И вспоминался чудесный спутник гусиной стаи, герой облетевшей весь мир книги шведской писательницы Сельмы Лагерлёф — Нильс Хольгерсон. Казалось, поднимешь голову и увидишь его — маленького, веселого, с красным колпачком на соломенной копне волос. Но в летнем безоблачном небе Швеции не видать было ни единой гусиной стаи. Не было там и Нильса. И все же

«встреча» с ним состоялась. В вестибюлях гостиниц на рекламных туристских фирм Нильс безудержно мчался вперед, сидя верхом на белоснежном гусе Мортене. А красочные эти рекламы усиленно призывали совершить путешествие по маршруту Нильса Хольгерсона. Мальчик улыбался из витрин, где красовались его фарфоровые, глиняные и деревянные изображения. Портреты Нильса Хольгерсона то и дело мелькали на книжных обложках, на почтовых марках, на спичечных коробках... Первый же подарок, полученный в Швеции, была деревянная фигурка Нильса, восседавшего верхом на красноклювом белоснежном гусе.

Нильс Хольгерсон, маленький «гусенавт», как называют его в современной Швеции, стал неотъемлемой принадлежностью, почти эмблемой своей страны. И хотя проехать по маршруту Нильса Хольгерсона не удалось, пути наши с ним скрестились трижды. Первый раз на родине Нильса, в южной провинции Швеции — Сконе, откуда начался его удивительный полет. Он пролетал над этими зелеными лугами, видел эти плодородные пашни. Во второй раз — в соседнем Смоланде с его скалистым рельефом. И наконец, в Стокгольме, куда знаменитая писательница более полувека тому назад привела своего героя. Здесь, в Скансене — музее деревянного зодчества, музее под открытым небом — все осталось почти таким же, каким было при Нильсе Хольгерсоне. И чудилось, что вот сейчас в одной из клеток мы увидим коварного и злого лиса Смирре. Талантливое перо Сельмы Лагерлёф настолько реалистично нарисовало Скансен, что старинные дворянские усадьбы, крестьянские дома, кузницы и ветряные мельницы показались уже давно виденными и хорошо знакомыми. Впрочем, такой же старинной знакомой казалась утопающая в зелени цветущая область Сконе, «клетчатая скатерть», как назвала ее писательница. И дымчато-сероватый Смоланд. Тут же захотелось вернуться к замечательной

книге «Удивительное путешествие Нильса...», перечитать ее заново, взглянуть на нее глазами взрослого, понять секрет ее неувядаемого успеха и триумфального полета во времени, в пространстве.

Жаль только, что не удалось побывать в Вермланде, в усадьбе Морбакка, где родилась и умерла Сельма Лагерлёф. Сейчас там мемориальный музей, в нем ежедневно бывает до 1700 туристов. Ведь за год Морбакку посещает около 100 000 человек. Не удалось, к сожалению, увидеть и зеленый холм рядом с Морбаккой. Холм, с которого вернулся домой из своего сказочного полета Нильс Хольгерсон.

Прошло более полувека с тех пор, как начался триумфальный «полет» Нильса в небе и по книжным прилавкам Швеции и всего мира. Но по-прежнему путешествие мальчика с дикими гусями дарит радость всем, кто узнает о нем.

И потому полет Нильса продолжается.

Возврат в прошлое. Рождение замысла

Все птицы и звери Швеции знали о том, что вместе со стаей мудрой и знаменитой гусыни Акки из Кебнекайсе¹ летает маленький человечек, по имени Нильс Хольгерсон. Что он добр, услужлив и всегда придет на помощь любому, кто в этом нуждается. Но людям почти не доводилось сталкиваться, а тем более разговаривать с Нильсом. Правда, и среди них ходила молва о летающем мальчике, но толком никто ничего не знал. Первым человеком, который встретился и говорил с Нильсом, был трехлетний крестьянский мальчик Пер Ула, также выведенный Сельмой Лагерлёф в ее книге. Он первый и услышал про удивительный полет Нильса с дикими гусями по Швеции. Когда же крошечный человечек рассказал Перу Уле, как зовут гусей, о чем они между собой беседуют, мальчику стало необыкновенно интересно. И он, по словам писательницы, «забыл обо всем на свете». Потом о полете Нильса услышал еще один человек—студент из университетского города Упсалы. Тот был просто поражен этой историей! А вслед за маленьким Пером и упсальским студентом чудесную историю узнали все дети Швеции. И не только Швеции. Узнали в самых отдаленных уголках мира, там, где (как писала шведский литературовед Хильма Борелиус)

¹ Анализ книги, имена, названия, цитаты даны не по распространенному у нас сокращенному пересказу З. Задунайской и А. Любарской, а по оригинальному полному шведскому изданию Lagerlöf Selma. Nils Holgerssons underbara resa genom Sverige. Stockholm, 1962.

даже не подозревают, что Стокгольм — столица Швеции, а не Швеция — столица Стокгольма.

Но еще прежде историю эту услышала сама Сельма Лагерлёф. Иначе она не могла бы поведать ее людям. Произошло это так...

Однажды осенью, в самом начале XX века, по проселочным дорогам Вермланда, одной из самых живописных областей Швеции, катился экипаж. В старинную родовую усадьбу Морбакка, уже давно проданную за долги, ехала дочь прежних хозяев. Это была Сельма Лагерлёф. Здесь, в Морбакке, принадлежавшей ее семье с XVI века, она родилась. Здесь прошли ее детство и ранняя юность. Но никогда ей не думалось, что таким удивительным будет возвращение в старую усадьбу. Казалось, с каждой минутой она становится все моложе и моложе. Вскоре ей почудилось, будто в экипаже сидит уже не она — женщина с седеющими волосами, а совсем маленькая девочка с длинной русой косой. Путешественница узнавала каждую усадьбу, встречавшуюся по пути, и чем ближе подъезжала она к Морбакке, тем больше крепла уверенность: в родном доме все осталось по-прежнему. На крыльце уже поджидают ее отец — отставной лейтенант, мать — бывшая учительница, братья, сестры. А собаки Неро и Фрейя вот-вот выбегут навстречу... Нахлынули воспоминания, вся жизнь, с самых первых памятных дней далекого детства прошла перед глазами...

Хорошо жилось в Морбакке! Днем в усадьбе работали, вечером собирались вокруг лампы и читали вслух стихотворения шведского поэта Эсайаса Тегнера и исторические романы финляндского писателя Сакарнаса Топелиуса. В усадьбе сеяли хлеб, сажали розы и жасмин, ткали полотно и пели народные песни. Дети зубрили грамматику и историю, но в то же время играли в «театр» и писали стихи...

Чудесные люди — сильные, мужественные, талантли-

вые — жили в те времена в Морбакке! Особенно хорош был отец. Он любил книги, поэзию... Недаром так похожи на него многие ее литературные герои, в особенности светловолосый, прекрасный собой Йеста Берлинг. А бабушка и тетушка Нана! Сельма услышала звонкие голоса этих замечательных сказочниц, вновь прочувствовала волшебные истории про домовых, эльфов и великанов. Чего только не рассказывали бабушка и тетушка о минувших временах! О прекрасных дамах и кавалерах Вермланда, о злом заводчике, что водился с нечистым, о домовых и русалках, обитавших на дне озера, о злых сороках, преследовавших хозяйку одной из усадеб так настойчиво, что она боялась выйти на крыльцо.

Сказочницы знали множество местных преданий (особенно о привидениях), родовых хроник и рассказывали их маленькой Сельме, ее братьям и сестрам.

— Не могу вспомнить ничего другого, кроме того, что бабушка сидела и с утра до вечера без конца рассказывала, а мы, дети, тихонько прижимались к ней и слушали.

— Вот была чудесная жизнь! Не знаю, кому еще на свете жилось так, как нам, — скажет впоследствии писательница.

Так же восторженно напишет она уже в старости и о тетушке Нане. «В моих ушах до сих пор звучит уверенный голос рассказчицы. Я чувствую, как мороз пробегает у меня по коже; это трепет ужаса, который бывает не только от боязни привидений, но и от предвкушения того, что произойдет»¹.

¹ Высказывания Сельмы Лагерлёф, ее современников, критиков и т. д. взяты из опубликованных в Швеции писем, статей, мемуаров самой писательницы и ее друзей, а также из книг и монографий зарубежных исследователей. См. например: Ahls-tröm G. Den underbara resan. En bom ok Selma Lagerlöfs Nils Holgersson. Stockholm, 1958; Afzelius N. Selma Lagerlöf — den foragelseväckande. Lund, 1969. Перевод мой.— Л. Б.

Особенно любила эти рассказы Сельма. В них заключался весь ее мир. Ведь однажды утром, когда ей было всего три года, она почувствовала, что не может шевельнуть ногами. Случилось несчастье: девочка была парализована. Она не могла бегать и играть, ее единственным развлечением стали рассказы домашних и чтение книг. В то время няня носила ее на руках. (Да и потом при каждом движении она испытывала страшную боль.) Потому-то смерть любимой бабушки оказалась для Сельмы, которой к тому времени исполнилось пять лет, величайшим горем.

— Знаю, — вспоминала она, — что-то ушло из жизни. Казалось, будто захлопнулась дверь в целый мир, прекрасный заколдованный мир... И теперь не было больше никого, кто бы мог открыть эту дверь...

Потому-то счастьем стало для нее знакомство с любимыми в будущем писателями и поэтами — Хансом Кристианом Андерсеном (сказки «Дорожный товарищ», «Огниво», «Дикие лебеди»), Томасом Майн Ридом (роман «Оцеола»), Вальтером Скоттом, Эсайасом Тегнером, Карлом Микаэлем Бельманом и другими. «Предо мной снова удивительный, многокрасочный мир...», — в восторге писала она тогда о чтении романов Вальтера Скотта и посещении театра в Стокгольме. В 1867 г. она приехала туда лечиться, и ей вернули способность двигаться.

В то время Сельма Лагерлёф уже мечтала о собственном литературном творчестве.

— Оттого, что над усадьбой Морбакка витало столько преданий, — вспоминала она, — одному из детей захотелось стать рассказчиком.

Ребенком этим, разумеется, и была Сельма Лагерлёф.

— Уже с семи лет думала я о том, чтобы стать писательницей, — признается она позднее.

Начала девочка с поэтических опытов, со стихотво-

рений «на случай», со сказочных пьес, баллад, произведений на древнескандинавские мотивы и сонетов.

— Представь себе, что ты был слеп и неожиданно прозрел, был нищ и быстро разбогател, был отвержен и лишен друзей и нечаянно встретил большую горячую любовь! Представь себе сколь угодно большое счастье, и все равно большего, чем я испытала в тот миг, пережить невозможно... — восторженно рассказывала одному из почитателей писательница о той минуте, когда открыла в себе способность писать стихи.

Величайшей радостью для нее было тогда узнавать обо всем самом примечательном в окружавшем ее мире, а потом записывать все услышанное. Девочка исписывала кипы бумаги стихами, прозой, пьесами и романами. И все время ждала: вот-вот кто-то чужой, очень образованный и могущественный узнает, что она написала, и решит: да, это можно печатать. Интересно, что во времена детства, даже когда она сочиняла стихи и романы, в душе ее жила сказка. Сказкой напоены были воздух Вермланда и усадьбы Морбакка.

«Жила-была на свете сказка, которой хотелось, чтобы ее рассказали и вывели в свет», — так начнется автобиографическая повесть Сельмы Лагерлёф «Сказка о сказке» (1908).

Но заниматься только творчеством не было возможности. Надо учиться, ведь она получила только домашнее образование, надо ехать в большой город и зарабатывать на хлеб. Небогатая ее семья к тому времени окончательно разорилась.

Будущая писательница поступила в лицей в Стокгольме, где подготовилась к поступлению в высшую учительскую семинарию. Закончив ее, она стала учительницей в школе для девочек в маленьком провинциальном городке на юге Швеции — Ландскруне. Там в 1881—1891 гг., живя в невысоком сером доме, написала

она и свою первую знаменитую книгу «Сага о Йесте Берлинге», в которой обработала известные с детства предания о веселых приключениях кавалеров Вермланд-да. (Мемориальная доска на сером доме в Ландскруне до сих пор напоминает об этом.) Поначалу, правда, писала Сельма Лагерлёф медленно. Не хватало времени, его поглощало преподавание в школе. А главное — не приходило вдохновение...

В 1885 г. умер отец, три года спустя была продана Морбакка! И тогда молодая учительница с новой энергией взялась за перо. Ей во что бы то ни стало хотелось написать книгу, спасти то, что еще осталось от любимого дома: «драгоценные старые истории, веселый покой беззаботных дней и прекрасный ландшафт».

Весной 1890 г. газета «Идун» объявила конкурс на произведение, которому предстояло вызвать интерес читателей к газете и придать ей большую солидность. В августе 1890 г. Сельма Лагерлёф отослала пять глав книги «Сага о Йесте Берлинге» в газету «Идун» и получила первую премию. Жюри выразило ей тогда «глубокое признание необычайных литературных заслуг этого произведения. Оно оставило далеко позади не только всех прочих участников конкурса, но и большинство из тех книг, что давным-давно могла предложить наша отечественная литература». Получив премию, писательница смогла спокойно заняться творчеством.

Прожив пять месяцев у друзей в провинции Сёдерманланд, она закончила свою «Сагу о Йесте Берлинге», одну из знаменитейших книг XIX века. Затем — годы колебаний, поисков, стилистических экспериментов. Сельма Лагерлёф переживает сомнения, сможет ли она создать что-нибудь еще.

— Я слишком быстро двинулась вперед. Не знаю, сумею ли сохранить свое место в литературе, не говоря уж о том, чтобы пойти дальше, — снова и снова говорила она самой себе.

Однако уже следующая книга молодой писательницы — сборник новелл «Невидимые узы» (1894) — получила одобрение. И как ни трудно, она решилась в 1895 г. оставить службу и всецело посвятить себя литературе. В 1895—1896 гг. ей удалось посетить Италию, после чего в 1897 г. появился новый роман «Чудеса антихриста», посвященный социальным идеям того времени. Он был тепло принят критикой, но не завоевал широкого круга читателей. Наверное, потому, что это единственный ее роман, действие которого происходит не в шведской среде, а в Италии. Не случайно ведь историк литературы Адольф Верин писал о Сельме Лагерлёф: «В душе своей она никогда не оставляла Морбакку». Вот и другой ее сборник новелл 1899 г. — «Королевы в Кунгахэлле» — написан по мотивам древнескандинавских саг, а повесть «Сказание об одной дворянской усадьбе» основана на предании, известном с детства. Повесть «Деньги господина Арне» также построена на преданиях провинции Бохуслен. До сих пор все написанные ею книги удавались, критики благоволили к ним (если не считать самого первого романа «Сага о Йесте Берлинге», который вначале не встретил признания). Один из критиков, Гуннар Кастрен, верно сказал о ней: «Задача, которую ставит перед собой Лагерлёф, — дарить людям утешение, мир и веру в добро».

Но вот с последней книгой что-то не ладится. Собрана и изучена уйма материалов, составлен план. Только никак не найти художественную форму! Ведь новому произведению так необходимо единство действия, некое цементирующее начало. Да, никак не найти! Хотя думает она об этом непрестанно. И тогда она сказала самой себе:

— Садись, сочиняй привычные тебе сказки и рассказы, и пусть другой напишет эту книгу, которая должна быть поучительна, серьезна и в которой не должно слышаться ни единой фальшивой ноты.

Сельма Лагерлёф в период создания «Удивительного путешествия Нильса...»

Но отказаться от нового произведения Сельма Лагерлёф не смогла. И решила: вдохновение не приходит, потому что она сидит в городе с его узкими улицами, среди серых, скучных стен. Надо поехать в Верmland, вновь увидеть его леса и поля, родную Морбакку.

Лошади стали. Вздвогнув, писательница очнулась от задумчивости. Экипаж остановился у ворот Морбакки, расположенной на самом краю песчаной дороги. Сельма Лагерлёф узнавала окрестности: щедрую долину среди лесистых холмов, луга, которые летом зарастали волшебной изумрудной травой. Неподдалеку — прекрасное озеро Фрюкен. Дно озера устлано мягким белым песком, а гладь отражает живописные берега и острова. Как описала она эти места в романе «Сага о Йесте Берлинге»? «И вся природа Верmlandа — большое озеро, плодородная равнина и синие горы — все вместе это казалось прекраснейшей картиной, которая и до сего времени остается такой же прекрасной...» Такой же. Только в усадьбе все переменялось, и никто не встречает ее на крыльце родного дома. Дом все тот же — старый, невзрачный, окаймленный удивительно высокими рябинами с яркими оранжевыми кистями. Без конца бродила писательница по запущенному саду, где когда-то клумбы пестрели желтыми, фиолетовыми, красными и темно-синими цветами, где и сейчас еще росли посаженные ее отцом дуб, пирамидальный тополь и каштан... Здесь, в саду, однажды весной увидела она стаю гусей, залетевшую по дороге на юг в Морбакку. Когда гуси тронулись в путь, с ними вместе отправился домашний гусак из усадьбы. Ко всеобщему удивлению осенью он вернулся назад, но вернулся не один, а с гусыней и семью гусятами. Но потом злая женщина заколола все это семейство.

И вдруг, неожиданно для самой себя, гуляя по старому запущенному саду, Сельма услышала крики. Кто-то жалобно звал на помощь. Она поспешила на зов и

увидела крошечного человечка, который отбивался от огромной совы. Сельма прогнала сову, а человечек вежливо поблагодарил ее за помощь. И она ничуть не удивилась, словно бы все время ждала, что ей доведется пережить нечто удивительное у дверей старого дома. Спасенный человечек назвался Нильсом Хольгерсоном и рассказал свою историю: как его заколдовал домовый, как он вместе с гусиной стаей путешествовал по всей Швеции. Слушая этот рассказ, она все больше и больше радовалась. «Нет, ну и счастье же встретиться с тем, кто на гусиной спине верхом пропутешествовал по всей Швеции! — думала она. — Все, что он рассказал, я опишу в моей книге».

Ожидания не обманули Сельму Лагерлёф. Воображаемая «поездка» в Морбакку, воспоминания детства и юности помогли отыскать волшебный ключ к книге, которую она обдмывала в то время. В стране ее детства после «встречи» с Нильсом Хольгерсоном и созрел окончательный замысел книги «Удивительное путешествие Нильса с дикими гусями по Швеции».

Что это была за книга и каков был ее замысел?

«Сказочная» география или «географическая» сказка

I

В народной школе шел урок географии. У карты Швеции стоял крестьянский мальчуган лет четырнадцати — долговязый, тощий, с льняной копной волос на голове. Он явно томился. Уже несколько минут учитель тщетно пытался выжать из него хотя бы несколько слов о провинции Блекинге, но мальчуган не мог произнести ни единого слова. Лицо учителя все больше мрачнело. Наконец, не выдержав, он отослал ученика на место и сам стал рассказывать о Блекинге.

— Смоланд¹ — высокий дом, на крыше которого растут ели, — начал учитель, — а перед ним раскинулось широкое крыльцо с тремя огромными ступеньками, и крыльцо это называется Блекинге.

...Оно тянется на восемь миль от фасада Смоландского дома, и тому, кому хочется спуститься вниз к самому Балтийскому морю, нужно пройти немалый путь...

Все три ступеньки сильно разнятся между собой. Верхняя, самая ближняя к Смоланду, в основной своей части покрыта скудным слоем земли и мелкими камешками; там не растут никакие деревья, кроме березы, рябины да ели, которые в состоянии вытерпеть холод на такой высоте и довольствуются самым малым...

Учитель долго и красочно рассказывал о трех гигантских ступеньках Блекинге, о растительности и водах этой чудесной области. Закончил же он свой рассказ древним преданием о великапе, который жил некогда

¹ Смоланд, как и Блекинге, — одна из южных провинций Швеции.

в большом Смоландском доме. Состарился великан, и нѣ захотелось ему больше спускаться по ступенькам дома к морю, где он ловил лососей. Взобрался он тогда на крышу Смоландского дома и стал швырять камни в море через всю область Блекинге. Испугались лососи и, спасаясь от ударов камней, поплыли из моря по всем рекам и озерам Блекинге, пока не приплыли в Смоланд. С той поры в водах Блекинге и Смоланда развелись лососи. Камни же, которые швырял великан, превратились в скалистые шхеры, в целый архипелаг.

— А великану этому честь и слава! — закончил свой рассказ учитель. — Потому что промысел лосося да каменоломни в шхерах и по сей день кормят многих жителей Блекинге.

Затаив дыхание, слушали ученики рассказ учителя, слушал его даже самый нерадивый ученик, тот, что стоял у доски, тот, что не желал учиться и больше всего на свете любил спать да есть, а еще учинять всякие проделки. Звали того ученика — Нильс Хольгерсон.

Рассказ учителя глубоко запал в память Нильса. Очутившись в провинции Блекинге вместе с гусиной стаей, он стал припоминать все, что знал об этой области. И вспомнились ему школа, классная комната, притихшие ученики, он сам, жадно слушающий учителя и весь рассказ. Вспомнился так отчетливо, словно он слышал его только вчера.

Почему так произошло? В чем секрет успеха учителя, сумевшего увлечь своим уроком даже ленивого Нильса Хольгерсона? В том же, в чем секрет успеха книги самой Сельмы Лагерлёф. В *двуязычности*. В том, что учитель, как и сама писательница, облек урок географии в яркую художественную форму, живописал природные богатства Блекинге в форме сказки, используя при этом старинное предание о великане.

Глава о Блекинге — как бы модель всей книги Сельмы Лагерлёф в миниатюре. Правда, глава эта — всего

лишь одна из многих ей подобных; она — только звено сказочного повествования и, конечно, не обладает сквозной сказочной фабулой, как вся книга шведской писательницы.

Начиная работать над новым своим произведением «Удивительное путешествие Нильса...», Сельма Лагерлёф надеялась, что оно станет одним из лучших в ее творчестве. Но результат превзошел самые смелые надежды писательницы. Дело, конечно, совсем не в том, что вместо предполагаемых двухсот страниц она написала почти шестьсот. Книга эта — единственная в своем роде. Сельма Лагерлёф показала Швецию, ее области и города, ее архитектурные и природные достопримечательности. Но все это читатель увидел глазами ребенка, облетевшего родную страну верхом на гусе. А чтобы мальчик смог усесться на спине гусака Мортена, была придумана сказка о домовом, который заколдовал Нильса и превратил его в крошечного человечка.

Что же представляла собой книга Сельмы Лагерлёф? Учебник географии или сказку? И то, и другое в органическом, оригинальном сочетании. Учебник, которому предстояло пробудить патриотические чувства шведских школьников, был облечен в форму сказки. Датской переводчице своей книги — Элизабет Грундт-виг — Сельма Лагерлёф пояснила:

— Вы ведь понимаете, что это не обычный учебник, это — описание путешествия по Швеции, но путешественники — дикие гуси, а отели — дикие болота и топи безлюдных пустошей; все приключения путешественников разыгрываются среди лисиц, аистов и журавлей.

«Удивительное путешествие Нильса...» — двухтомная эпопея, географический и сказочный путеводитель по Швеции начала XX века. С одной стороны — это книга для чтения, популярная география страны, написанная на уровне науки того времени (и не только географии,

но и геологии, ботаники, зоологии и т. д.). Это — карта Швеции, которую оживила для детей Сельма Лагерлёф. С другой стороны — это увлекательнейшая сказка. Потому что писательнице, по словам шведского поэта Карла Снойльского, удалось вселить «жизнь и краски в сухой пустынный песок школьного урока», придать «душу и язык лесам, скалам и рекам родины и даже мертвой массе руды».

Двуплановость, сочетание географии и сказки, прозы и поэзии — основная черта книги. Она ощущается в названиях глав с их чередованием будничного и волшебного («Мальчик» и «Домовой», «Земной город» и «Город на дне морском» и т. д.); в попытке двоякого определения времени действия. Так, ряду глав предпосланы, как в дневнике, названия дней недели и даты. События в книге начинаются в воскресенье 20 марта, а кончаются в среду 9 ноября. Год, по сказочным законам, не указан. Однако даты посещения Нильсом и гусиной стаей областей Швеции совпадают с датами посещения тех же мест самой Сельмой Лагерлёф, как если бы она вела дневник путешествия. Одновременно писательница дает и другое, неопределенно-сказочное обозначение времени действия, постоянно повторяя его, как в народной сказке:

— ...в тот самый год, когда Нильс Хольгерсон летал с дикими гусями...

Встречаются эти таинственно-увлекательные слова и в главе, где поэтично рисуется рождение окончательного замысла книги и «встреча» сказочницы с заколдованным человечком Нильсом Хольгерсоном. «Встреча», которая, разумеется, произошла в ее воображении. Тем самым как бы еще раз говорится о том, что действительность и сказка здесь идут рука об руку. От самых прозаических страниц, сообщающих сугубо географические сведения, веет ароматом сказочности. Писательница знакомит детей со Швецией, рассказывает им о про-

винциях Смоланд и Упланд, об их рельефе и достопримечательностях. Но главы эти она называет «Сказка о Смоланде» и «Сказка об Упланде». И детям навечно запомнятся южные провинции Швеции: Смоланд всегда будет ассоциироваться для них с трагической судьбой нищих смоландских сирот-гусопасов Осы и Матса; от последнего Нильс и услышал предание о том, как был создан Смоланд. Упланд они не забудут потому, что провинция эта одушевлена (подобно тому, как у великого Ханса Кристиана Андерсена одушевлены предметы и явления), странствует по всей Швеции и ведет диалог с другими областями страны.

— Отправилась Упланд поначалу к югу, — рассказывает Лагерлёф, — и добралась до самой Сконе, а как пришла туда, стала жаловаться на бедность и попросила землицы.

Сконе и подарила ей большой удел. Поблагодарила ее Упланд и отправилась в Вестергётланд...

Рисую чудесную реку Дальэльв и огромное озеро Меларен, писательница также одушевляет и их и окружающую природу. Она рассказывает старинные предания о происхождении реки Дальэльв. О том, как некогда две небольшие речки Стуро и Фуруэльв наперегонки устремляли свои воды к морю. Как они соперничали между собой, прибирая на своем пути во владение все потоки и речушки. Став же могучими и прекрасными реками, они по призыву леса, примирившего их, соединили свои усилия и вместе потекли к морю, назвав себя Дальэльв. Под конец реки устали, состарились и, вспоминая свою молодость, не могли надивиться тому, как нравилось им единоборство их.

Описывая Меларен, Сельма Лагерлёф дает многочисленные пейзажные подробности. Озеро состоит из тесных фьордов, заливов и болот. Оно покрыто островками и каменистыми шхерами. Вместе с тем озеро это кажется живым, одухотворенным существом. Обычно озеро

выглядит дружелюбным и добрым, но порой, по весне, оно сбрасывает с себя смеющуюся маску и показывает, каким по-настоящему опасным может стать.

Предания, которые помогают понять многие явления природы, предания, которые унаследованы от предков и включены писательницей в книгу, забыть невозможно. Об этом говорит и старушка, рассказывающая предание об Упланде.

— ...а теперь послушайте, что поведала некогда об этой стране моя матушка. В школу мне ходить не пришлось, так что никогда я ничему не училась, но то, что говорила матушка, я вспоминала всю свою жизнь.

Не забудут дети и остров Эланд, похожий на бабочку. Старый пастух рассказал предание о том, как некогда гигантская бабочка опустилась в Балтийское море, покрылась известью и превратилась в остров, на котором растут леса, живут люди и пасется скот...

Или история рудников Бергслагена и Фалуна. Как удалось шведам проникнуть в горы и освоить богатейшие месторождения полезных ископаемых? Даже эта, несколько специальная тема звучит в книге словно увлекательнейшая сказка. Повествование о бергслагенских рудниках дается в думах мудрого и всеведущего ворона Батаки и в размышлениях Нильса Хольгерсона, которого в этот миг держит в лапах медведь. И хотя тут есть некоторая натяжка (даже в когтях медведя, который вот-вот съест его, Нильс просвещает школьников), но напряженность действия и повторы, как в народной сказке:

(— Дай мне еще подумать, — просит Нильс.

— Погожу-ка я еще минутку, — отвечает медведь), — отлично запоминаются детям.

История рудника в Фалуна так и называется «Сказка о Фалунском руднике». Здесь удивительно интересно объединены реальная история открытия и разработки рудника с фантастическим народным преданием о доче-

рях великана. Они охраняют вход в горы и уничтожают всякого, кто осмелится туда проникнуть. Фантастическое предание сочетается с былью, с реальными подробностями.

Чужеземцы не очень-то хотели верить сказке о великановых дочерях, но думали: «Видать, где-то поблизости есть могучая рудная жила» — и искали ее с большим упорством. И тем более запомнится эта история, что рассказывает ее ворон Батаки Нильсу, который в это время освобождает его из плена.

II

В прежних произведениях Сельмы Лагерлёф, например в «Саге о Йесте Берлинге», в центре повествования находились в основном люди и события. После книги «Удивительное путешествие Нильса...» природа значительно меньше занимала писательницу, если не считать ее предсмертной трилогии о Лёвеншёльдах. Здесь же, в книге о Нильсе, «главный предмет изображения, — признает шведский литературовед Эрланд Лагеррот, — ландшафт, в то время как лица и происшествия имеют второстепенное значение».

Словно подлинный учебник, лучшие издания «Удивительного путешествия Нильса...» сопровождаются картой Швеции с указанием маршрута, по которому вместе с гусиной стаей летал мальчик.

Поэт Карл Снойльский писал:

Со школьных дней вижу я одну картину —
географическую карту с отпечатками пальцев
на белой стене в первом классе.

Оттуда мы унаследовали шведскую Землю,
нашу страну с древних времен.

Верная замыслу изобразить всю Швецию, одну провинцию за другой, писательница, отправив Нильса в путешествие по стране, показала детям все то, что увидел

он. Показала в живом и непосредственном восприятии мальчика. Она ведет ребенка по карте Швеции из южной провинции Сконе, через Смоланд, Даларну, Упланд в далекую северную Лапландию. Она ведет его на остров Готланд с древним городом Висбю, на озера Сильян и Меларен. Вместе с ребенком осматривает она столицу Швеции Стокгольм. 18 провинций Южной, Средней и Северной Швеции нарисовала сказочница! Пожалуй, шведская провинция, ее ландшафт — главный герой произведения. И это, несомненно, обеспечило книге уникальное место в мировой литературе.

Писательница рисует геологическое строение, воды, климат, сельское и лесное хозяйство, промышленность каждой отдельной области или острова, а отчасти и города. Каждая из провинций, каждый из городов оригинальны, резко отличаются от других.

— Мне было необычайно интересно, — говорила Сельма Лагерлёф прогрессивному шведскому педагогу Альфреду Далину, — характеризовать различные области. И меня саму почти удивляло то, насколько все они своеобразны! Своеобразны настолько, что их можно отличить друг от друга. Наша страна воистину очень богата и разнообразна...

Сельма Лагерлёф прекрасно понимала, что взяла бы на себя непосильную задачу, если бы решила дать характеристику всех богатств, какие только имеются в каждой провинции.

— Это невозможно, — заявила она.

И решила выбрать одну или несколько характерных черт для каждой из них. Для Сконе, по мнению писательницы, характерны крепкие крестьянские и дворянские усадьбы, возникшие на богатой, плодородной почве.

— Одно из поместий было расположено в чудесном парке к востоку от озера, — рассказывает Сельма Лагерлёф, — оно выглядело великолепно — большой замок,

красивый, выложенный камнями двор, окруженный низкими стенами, очаровательный старинный сад с подстриженной живой изгородью, прудами, водоемами, чудесными деревьями, ухоженными лужайками, края которых пестрели весенними цветами.

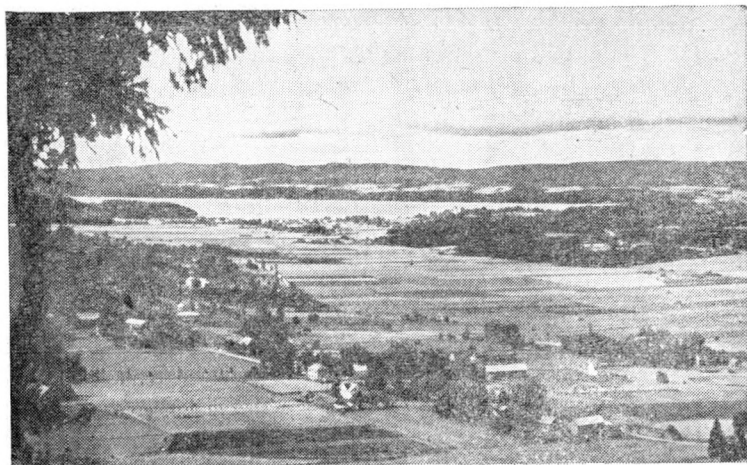
Писательница ведет читателя по замкам и поместьям Сконе. Рассказ о замке Витскёвле, о его достопримечательностях превращается в более широкий рассказ о том, как жили в Швеции первые люди, где они селились, как строили и оборудовали свое жилище. Даже не побывав в замке Глиммингехюс, можно отчетливо представить себе это пустынное мрачное здание, где обитают лишь крысы да совы.

Сельма Лагерлёф делает все для того, чтобы ребенок лучше запомнил Сконе. Она рассказывает: вся плодородная и прекрасная ее земля разделена на квадратные и состоит из лугов и полей. Вместе с тем не все усадьбы в Сконе одинаково богаты. Об этом говорят и их названия — «Бескрупная», «Малоежная» и т. д.

Плодородную область Сконе писательница сравнивает со скудным и каменистым Смоландом, населенным бедными трудолюбивыми людьми.

— Эта провинция, — говорит писательница, — казалось, так и не могла решиться, стать ли ей сушей или морем. Повсюду фьорды разрезали материк на острова и полуострова, на мысы и перешейки. Море наступало, и единственное, что могло удержаться на его поверхности, это холмы и горы. Вся изменчивость была скрыта под водой.

Не случайно Смоланд, с его бесчисленными скалами, валунами и покрытыми глиной горами, с расщелинами, заполненными реками, озерами и болотами Сельма Лагерлёф называет «мрачным». И если Сконе, по выражению писательницы, «клетчатая скатерть», то Смоланд — «разорванный ковер». В Сконе она описывала в основном богатые старинные поместья и замки. В Смоланде

Пейзаж в окрестностях Морбакки

ее внимание привлекают бедные лачуги и старые запущенные усадьбы, хозяева которых, не выдержав борьбы с бедностью и туберкулезом, либо уходят куда глаза глядят, либо эмигрируют в Америку.

Бедна и обделена землей провинция Упланд, которая в давние времена была «самой нищей и самой неприглядной во всей Швеции. Состояла она из одних лишь суглинистых полей и низеньких каменистых холмиков; да и сейчас она, верно, во многих местах еще точь-в-точь такая же».

Каждая область, каждый ландшафт имеет свои неповторимые черты, утверждает писательница. Вот Сёдерманланд! Он совсем не похож на те провинции, которые уже довелось видеть Нильсу. Там не было огромных равнин, как в Сконе и Эстергётланде, не было и больших лесных массивов, как в Смоланде. Здесь намешано

всего понемногу. «Тут они взяли большое озеро, там большую реку, тут — большой лес, там — большую гору, разбили их на куски, смешали друг с другом и безо всякого порядка разбросали по земле», — думает Нильс.

Настоящую поэму о лесе создает Сельма Лагерлёф в главах о Сёрмланде и Эстергётланде. Весенний лес, по ее словам, может даже удержать зиму. Снег там растаял, земля обнажилась, зато в тени могучих елей снег, много раз таявший и снова замерзавший, стал твердым, как лед. Чудесен лес, в котором обитает легендарный лось Серая шкура и куда боятся заходить люди, до того он мрачный и дремучий.

Провинцию Сёрмланд писательница сравнивает с огромным, роскошным садом. Она приводит Нильса и в чудесный «райский сад», где разбросаны великолепные замки такие, как Грипсхольм, поместья Пинторп и Эриксберг, старинные церкви и башни. И дает понять мальчику, что этот «райский сад» и есть Сёдерманланд в миниатюре.

Такой же своеобразной «моделью» провинции Йе́мтланд оказывается горница великанши, где пролитый хозяйкой мед прорывает реки и водопады, которыми так славится Йе́мтланд.

Прекрасна провинция Даларна с ее веселыми, светлыми городками, старинными обычаями и песнями, прославляющими родной край. Сельма Лагерлёф вообще любит отдавать дань этнографическим описаниям. Как точно воспроизводит она обстановку крестьянской горницы из Сконе в начале XX века, ее старинную утварь, пасторское кресло, неизменный окованный медью сундук! Здесь же, в Даларне, она описывает одежду крестьянок, конфирмационные, свадебные и похоронные обряды.

Живописен осенний Вермланд, где березняки и сады оделись в желтый осенний наряд, а меж золотистыми берегами голубели озера. Озера эти похожи на голубой

шелк, а берега — на широкие золотистые ленты. Вермланд — родина писательницы, там находится старинная усадьба Морбакка. Она так уютна, в ней столько плодовых деревьев и ягодных кустов, что Нильс, потерявший надежду вернуться в человеческое общество, решает было даже остаться там навсегда.

Бергслаген — область, где, по словам Нильса, «растет железо», напоминает «женский передник». Это страна рек и горных хребтов, проселочных и железных дорог, рудников, из которых уже во многих местах выбрана руда, и горняцких усадеб.

«Драгоценный пояс» — область Йестрикланд к северу от Стокгольма, изрезанная множеством железных дорог.

Однако, чем дальше движется гусиная стая на север, тем более бегло обрисованы отдельные местности и провинции. Нильс и гуси уже не гостят по нескольку дней в какой-то области. Они проводят (о чем говорят и названия глав) «День в Хэльсингланде», «Утро в Энгерманланде». Подробнее описана область Вестерботтен. Это горная страна со множеством внутренних озер, лесов, равнин и рек.

— Немногие королевства, — говорит писательница, — могут похвастаться тем, что обладают такими колоссальными богатствами, собранными воедино.

И наконец, читатель видит север Швеции, Лапландию, ее суровый пейзаж — «ивовые кусты да прочий мелкий кустарник».

Немало страниц уделяет Лагерлёф и животному миру родной страны. В Лапландии живут только олени, белые совы, песцы да снежные куропатки. В Даларне, в Бергслагене, где открыта руда и выстроены шахты, шум изгоняет животных, особенно медведей, которые там издавна водились. Теперь они почти перевелись. Зато в лесах Сёрмланда и Эстергётланда, в которых немудрено заблудиться даже охотнику, обитает немало лосей,

лисиц и змей. Именно там разыгрывается драматическая и прекрасная история лося Серой шкуры и собаки Карра.

На берегах рек и озер Швеции водится множество всевозможных диких птиц, особенно на «Великом Птичьем Озере» — Тукерн, «самом великолепном птичьем озере, какое только есть во всей стране» — главной достопримечательности провинции Эстергётланд.

— В водах озера Тукерн, — рассказывает Лагерлёф, — неслыханное множество птиц... Первые, кто здесь поселились, были кряквы, и тысячи их гнездятся здесь по-прежнему. Но озеро целиком больше им не принадлежит, кряквы вынуждены были поделить его с лебедями, поганками, лысухами, нырками, широконосками и множеством выводков других птиц.

Описывая животных и птиц, писательница стремилась точно передать зоологические и орнитологические их приметы. Она показывает, например, разницу между дикими и домашними гусями, разницу, рожденную их образом жизни. Дикая гуси гораздо меньше домашних, они не белые, а серые, их желтые глаза сверкают, как огонь. Зато лапки диких гусей гораздо крупнее, чем у домашних, и кажутся стертymi. Видно, что дикие гуси не выбирают дорог, что это бедный, бродячий «люд». Именно в этом профессор-орнитолог Густав Культхофф не согласился с писательницей, которая, несомненно, дала тут волю фантазии.

Пожалуй, больше всего удался писательнице «портрет» старой гусыни Акки из Кебнекайсе. Оперение ее льдисто-серого цвета, голова — больше, а ноги — грубее, чем у других гусей. Перья Акки топорщились, шея же была совсем тонкой.

— Во всем этом виновата была старость, — говорит Сельма Лагерлёф.

И только глаза Акки были не подвластны возрасту «Они светились более ясным, словно бы более молодым

светом, чем у других гусей». Реалистично описание аистов, их привычек, игрищ гусей, перелета птиц, а особенно журавлиных танцев.

— И вот,— рассказывает писательница,— появились серые и какие-то сумеречные птицы с плюмажами на крыльях и красным убором из перьев на затылке. Огромные птицы на высоких ножках, с тонкими шеями и маленькими головками скользили по холму в каком-то таинственном дурмане. Они колыхались на ходу, полуплутя, полутанцую... Казалось, будто какие-то тени играли в игру, за которой почти не в состоянии был уследить глаз. Казалось, будто игре этой они научились от туманов, колыхавшихся над безлюдными болотами.

Писательница стремилась воспроизвести голоса и крики птиц, а также слышанные ею рассказы из жизни птиц и животных. Так, в основу истории гусака Мортена положено событие, известное ей со времен детства в Морбакке. Историю дружбы лося Серой шкуры и собаки Карра писательница узнала от своего родственника егеря Альгрена.

Интересно, что и в городах сказочницу занимает в основном природа. Главной достопримечательностью Стокгольма она считает Скансен, где представлена вся флора и фауна Швеции. Славу Упсалы, по ее мнению, составляет Ботанический сад, связанный с деятельностью великого ученого Карла Линнея. Однако наряду с этим в Упсале ее внимание привлекает старинный университет с его великолепной библиотекой. Писательница рассказывает историю возникновения Стокгольма, гордости Швеции. Она дает понятие и о государственном строе родной страны.

Сельма Лагерлёф коснулась также индустриализации Швеции. Множество примет промышленного развития страны встречается на страницах ее книги. Приметы эти зачастую соседствуют с поэтическим описанием шведской природы.

Озеро Веттерн похоже на зеркало, но на берегу раскинулся фабричный город Йёнчёпинг. Сказочница понимает, что рабочим живется там нелегко, и сочиняет такой диалог между Нильсом и шахтерами. На вопрос шахтеров:

— Куда летите? Куда летите?

Нильс отвечает:

— Туда, где нет ни кирки, ни молота!

И шахтерам кажется, будто мальчик выразил самые заветные их желания.

Сельма Лагерлёф описывает и другой город, «город, плавающий на воде». Это город индустриальный, с мрачными фабричными строениями, складами угля и досок, неуклюжими грузовыми пароходами у причалов. Однако все это производит такое величественное впечатленье, что кажется ей «почти красивым».

Писательница понимает, что Швеция в дальнейшем будет развиваться еще больше. В Эстергётланде, промышленной области, покрытой фабриками и каналами, построят крепкие крестьянские усадьбы, а Мутальский водопад начнет вскоре вертеть колеса машин.

Она стремилась описать климат Швеции, времена года, водяные потоки, ветры и т. д. Сказочница часто сообщает о том, какая стоит погода на дворе и что может принести она людям или животным. Так, во вторник 28 апреля погода была солнечной и прекрасной. С запада дул сильный ветер, но ему следовало только радоваться. Ведь он осушал дороги, совершенно размякшие от вчерашнего дождя! Поэтично и правдиво изображена в книге весна. Правда, другие времена года не так занимают писательницу. Кроме весны, ее привлекают лишь яркие краски осени.

Но как у многих других романтиков, погода у Лагерлёф часто таит в себе и психологический смысл. Иногда она заставляет человека глубже чувствовать свою беду. В тот день, когда домовый заколдовал Нильса, стояла

удивительно прекрасная погода: звенели ручьи, распускались почки, щебетали птички. Нильс никогда не видел такого голубого, безоблачного неба, как в тот день. А он сидел, придавленный горем. Ведь он больше не человек!

Великолепны в книге и описание вод Швеции, и рассказ о беге реки Дальэльв от истоков к морю, об осушении, грозящем озеру Тукерн, о том, как море формирует берега, о прихотях ветра... Послышался «страшный гул, словно летела на сильных крыльях стая птиц... Западный ветер гнал тучи пыли, соленую пену и маленьких пичужек». Особенно славится своими ветрами провинция Нёрке, где они свободно разгуливают над равниной.

Любопытная особенность «Удивительного путешествия Нильса...» заключалась в том, что хотя сказочница и написала учебник географии, но он вовсе не должен был заменить специальный учебник. И значение этой книги оказалось вовсе не в том, что это был просто учебник географии.

— Тогда он был бы давным-давно забыт, даже если бы описания были безукоризненно правильны и стопроцентно совершенны...— заявил шведский исследователь Нильс Афцелиус.

Ученый этот справедливо видел значение труда писательницы в следующем: «Вместо того, чтобы написать справочник для студентов университета, она подарила детям *стимул* к познанию». Такова была и цель самой Сельмы Лагерлёф, цель, о которой она, создав облеченный в форму сказки учебник географии, писала 3 января 1906 г. профессору Густаву Культхоффу: «Я думаю и надеюсь, что сказки заставят ребенка заинтересоваться истинным положением вещей и тем самым станут прологом к изучению Ваших работ и работ других ученых».

Несомненный интерес к географии и другим наукам пробудит «Удивительное путешествие Нильса...» и у современного маленького читателя. Кроме того, как отме-

чают почти все исследователи творчества этой писательницы, хотя Швеция очень изменилась за это время в целом и в частности, «картина страны и народа в ее учебнике очень близка к действительной». Книга эта, показывающая Швецию начала XX века, рождает желание узнать, какой была страна прежде, сравнить ее с теперешней. Замечательное творение Сельмы Лагерлёф патриотично, оно пробуждает любовь шведских школьников к своему отечеству.

III

Любопытно, что Лагерлёф написала не только учебник географии, но и своего рода учебник психологии.

— Нильса Хольгерсона можно рассматривать со многих точек зрения и читать по-разному, — говорил Нильс Афцелиус. — В первую очередь — это путешествие с увлекательными приключениями, цель которого — сообщить сведения о Швеции, ее животных и растениях, ее истории и культуре детям девяти лет. Одновременно это — история воспитания и развития.

Подробно, с прекрасным знанием детской психологии и детских привычек, описывает сказочница, как воспринял Нильс постигшее его несчастье. Поняв, что домовый его заколдовал, мальчик впадает в отчаяние и тут же мысленно обещает стать прекрасным, добрым и послушным. Только бы ему вернули его прежний облик! Но когда куры злорадно кудахчут над его несчастьем (так ему и надо!), Нильс дает волю своему дурному характеру, своим прежним скверным привычкам. И швыряет в кур камни. Правда, он тут же начинает подлизываться к кошке, чтобы она рассказала ему, где находится домовый. Но кошка и не думает помочь Нильсу.

— Может, я должна помочь тебе за то, что ты так часто дергал меня за хвост? — не без ехидства спрашивает она мальчика.

В первый же час после того, как его заколдовали, Нильс впервые в жизни подумал о чувствах других людей, об отце с матерью. Увидев, что белый домашний гусак Мортен собирается улететь, Нильс пытается удержать гусяка и думает: «Для отца с матерью будет большим горем, если он улетит».

В полете Нильс впервые задумывается над тем, как он будет жить дальше. Духовное развитие мальчика показано Сельмой Лагерлёф очень убедительно. Вначале Нильс *старается* быть добрым

к животным и птицам, так как они помимо его воли оказались единственным его обществом, единственной опорой и защитой в мире. Впервые в жизни он жалеет живое существо, гусяка Мортена, так как понимает, что тот теперь — единственная его надежда. Он спасает Мортена и опять-таки впервые в жизни радуется сказанному ему в благодарность ласковому слову. Так Нильс совершает свой первый подвиг. Потом, начиная с ис-

Nils Holgerssons underbara resa

EN HILSNINGSSTÄLLENING I KONJUGICA BOKFÖRLAGET 1931-37

Нильс Хольгерсон. Иллюстрация Бертиля Любека к шведскому изданию 1931 г.

тории белки, которая попала в неволю и которой Нильс приносит ее детенышей, чтобы они не погибли с голоду, мальчик совершает один подвиг за другим. Но он все еще остается самим собой. Лентяй Нильс радуется, что полет в Лапландию избавит его от занятий в школе. Ради развлечений он отказывается вернуться домой и стать нормальным мальчиком. Он всецело отдается новой жизни среди птиц: изгоняет крыс из замка Глиммингехюс, спасает из заточения ворона Батаки, сажает в собачью конуру лиса Смирре. Очень скоро Нильс уже совершенно не думает о том, что его жизни каждодневно грозит опасность. Он занят только тем, чтобы спасти своих друзей, оказать им помощь, проучить их врагов и т. д. И тогда хор хулителей Нильса — зверей и птиц — сменяется хором славословящих его. Нильс *становится* естественно добрым. Он по-настоящему полюбил животных и птиц и сам стал их надеждой и защитником. По всей Швеции разнеслась молва о маленьком Мальчике-с-пальчике — защитнике слабых и обездоленных. Нильс совершает множество человеческих и прекрасных подвигов. А в конце концов он вообще решает остаться навсегда Мальчиком-с-пальчиком. Ведь ему рассказали: если гусак Мортен вернется домой, его заколют вместе со всем семейством — прекрасной дикой гусыней Дунфин и выводком маленьких гусят. И Нильс решает пожертвовать собой ради друзей. Потому-то самое удивительное в книге, пожалуй, даже не удивительный полет мальчика с помощью гусака, а то и аиста, ворона, орла, и не множество любопытных приключений, которые переживает Нильс. Поразительно здесь превращение драчуна и забияки, не щадившего ни родителей, ни животных, ни птиц, не желавшего учиться, — в друга животных и птиц, в прекрасного мальчика.

Правда, следует оговориться, что такое превращение Нильса, особенно в первых главах, происходит слишком

быстро и потому не всегда кажется психологически оправданным. Однако в конце концов у мальчика вырабатывается, говоря словами К. И. Чуковского, способность «сопереживать, сострадать и сорадоваться, без которой человек — не человек». Цель Сельмы Лагерлёф в этой книге: «Воспитать в ребенке человечность — эту дивную способность человека волноваться чужими несчастьями, радоваться радостям другого, переживать чужую судьбу, как свою»¹.

Немалую роль в перевоспитании Нильса играет гусыня Акка из Кебнекайсе. Она прирожденный воспитатель; сурово и терпеливо наставляет она гусей своей стаи, учит их, что лететь быстрее легче, чем медленнее, выше — легче, чем ниже. Она строга, никому не делает поблажек и считает, что если гусак Мортен не в силах лететь вместе со всеми, пусть возвращается домой. Ей удалось даже заменить мать маленькому избалованному и злому орленку Горго. Она научила его быть храбрым и благодарным.

Впервые встретившись с Аккой, Нильс преисполняется уважения к ней. Акка из Кебнекайсе — это как бы сама Сельма Лагерлёф, которая ведет заколдованного мальчика по Швеции, руководит им почти с первой страницы книги до последней. Она постоянно рассказывает Нильсу о том, какие опасности его подстерегают, учит, что благодарить следует не словом, а делом, что выше всего на свете чувство долга и товарищества. И сама же подает этому пример, когда в благодарность за спасение стаи Нильсом посылает гонцов к домовому и добивается от него обещания вернуть Нильсу прежний облик.

Когда лис Смирре требует, чтобы Акка выдала ему Нильса и тогда он оставит гусей в покое, Акка отказывается это сделать, хотя сейчас ей грозит смертельная

¹ Чуковский К. От двух до пяти. Изд. 17-е, испр. и доп. М., 1963, с. 226.

опасность. И Нильс прекрасно понял благородство старой гусыни, он полюбил ее и всех других птиц.

— С того часа,— говорит Лагерлёф,— нельзя было больше сказать о Нильсе Хольгерсоне, что он никого не любил.

Правда, Нильс по-прежнему легкомыслен и все еще ничуть не расстраивается оттого, что заколдован и лишен человеческого общества. Он не думает об отце с матерью и счастлив. Ведь он летит с гусиной стаей, жизнь его так полна, интересна и разнообразна, хотя зачастую он терпит голод и холод. Пока еще мальчик считает гусей «несчастливыми», считает, что оказывает им честь, летя с ними. Ведь, по его мнению, они «обязаны» показать ему все самое прекрасное на свете. Он не всегда искренне хочет помочь Акке и берется выселить серых крыс из замка Глиммингехус только чтобы доказать аисту Эрменриху, какой он, Нильс, замечательный человек. Но потом, искренне полюбив животных и не понимая, как можно стрелять в птиц, мальчик начинает тосковать по людям; он мечтает вернуться к ним. И это сближает его с Маугли, героем Редьярда Киплинга, впервые показавшего жизнь ребенка среди животных. Нильс, прежде глухой к страданиям людей, животных и птиц, научается сострадать, сочувствовать и любить.

Нильса воспитывают не только Акка и ее стая. Ворон Батаки внушает ему уважение к чужому труду, любовь к учению.

И Нильс платит своим воспитателям благодарностью; он говорит им: то, чему они его научили, дороже всякого золота.

Немалую роль в воспитании чувств мальчика сыграли его встречи с Матсом и Осой. История Матса и Осы — важный мотив из жизни людей, который тянется в книге параллельно мотиву полета птиц. Брат и сестра бредут на север в поисках отца, который после гибели почти всей семьи от туберкулеза ушел из дому.

Пути детей не раз скрещиваются с путями Нильса, он спасает их, активно вмешивается в их судьбу, благодаря чему объединяются главный и побочный мотивы. Между детьми и Нильсом устанавливается своего рода внутренняя связь. Благодаря Осе и Матсу Нильс начинает понимать страдания людей, горе своих родителей, нищету бедняков. Он мечтает облегчить их жизнь. Любя животных, Нильс тоскует по людям, ему хочется, чтобы Оса не пугалась при виде его, а заговорила с ним. Ему хочется стать человеком, вернуться к людям. Он страдает из-за того, что нечаянно поджег бедную лачугу Осы и Матса, что из-за него погибла сорока Фумле-Друмле, его постоянно снедает беспокойство за Мортена. Жизнь учит и воспитывает Нильса. Встретившись с жительницей Смоланда, дети которой эмигрировали в Америку, он начинает понимать, как мучаются родители, потерявшие детей.

Во время полета Нильс становится настоящим героем. Он отказывается поджечь рудник и тем самым нанести вред людям. Отказывается, несмотря на страх смерти, несмотря на то, что его держит в когтях медведь. Мальчик настолько привык помогать животным, что помог бежать и этому медведю, когда его настигли охотники. Он героически выдерживает испытание, которому подвергает его ворон Батаки. Ворон сводит мальчика со студентом, тот согласен занять его место. Но Нильс отказывается вернуться к людям, хотя мечтает об этом. Он не может бросить Мортена на произвол судьбы. Не может он нарушить и слово, которое дал старому музыканту Клементу Ларсону — остаться в Скансене до определенного момента. И когда орел Горго насильно уносит его из Скансена, Нильс чувствует себя клятвопреступником. Он разыскивает Клемента, чтобы тот освободил его от клятвы.

Вместе с тем усиливается тоска Нильса по человеческой жизни. Но несмотря на это, он решает не возвра-

щаться к людям, остаться с гусями: ведь его возвращение домой будет стоить жизни Мортену.

— Жестоко поступает со мной домовый... Но ему не удастся заставить меня изменить другу,— говорит он.

Однако «встреча» в Морбакке с самой Сельмой Лагерлёф внушает Нильсу надежду, что все еще может кончиться для него хорошо. И так оно и случается: он вернулся к людям.

Шведский критик Бесков справедливо писал в 1908 г., что самое яркое в творчестве Сельмы Лагерлёф — «борьба личности за то, чтобы остаться самой собой. Даже в Нильсе Хольгерсоне с его специальной целью — научить шведских детей познать Швецию — подобное развитие личности красной нитью проходит сквозь все это произведение».

IV

Почему учебник географии, написанный Сельмой Лагерлёф около 70 лет тому назад, дети всего мира, да и взрослые тоже считают чудеснейшей из сказок?

Все знают про маленького человечка по имени Мальчик-с-пальчик. Но человечек этот, прославленный французским писателем Шарлем Перро, и явился на свет таким маленьким. А знают ли дети и взрослые про человека, превращенного в Мальчика-с-пальчика фантазией писателя? Да, им известен Гулливер, который казался лилипутом среди великанов и великаном среди лилипутов. Им известна Алиса в Стране Чудес, которая волей своего создателя Льюиса Кэрролла становилась то великаншей, то лилипуткой. Но Джонатану Свифту, а за ним и Льюису Кэрроллу важна была мысль об относительности всего сущего. У Сельмы Лагерлёф долговязый, тощий 14-летний мальчуган был заколдован домовым и превращен в Мальчика-с-пальчика. И был это Нильс Хольгерсон. Даже когда он был нормальным

мальчуганом и учился в шведской народной школе, он обладал уже всеми чертами Мальчика-с-пальчика из народных шведских сказок, где также встречается этот герой. Нильс не слушался родителей, обижал животных и птиц; а давая родителям обещание исправиться, выучить урок и т. д., вовсе и не думал сдерживать свое слово. Однажды он попал в страшную беду, потому что сыграл скверную шутку с домовым. Он захлопнул крышку сундука, домовый оказался в плену. За это мстительный хранитель домашнего очага превратил Нильса в Мальчика-с-пальчика.

Так начинается сказочный учебник географии, написанный Сельмой Лагерлёф. Действительно, начало для учебника географии не совсем обычное. Бесспорно, «Удивительное путешествие Нильса...» разрешает сомнение известного датского критика Георга Брандеса, который в конце своей статьи о романе «Сага о Йесте Берлинге» написал: «Насколько г-жа Лагерлёф способна к развитию, покажет нам ее следующая книга, если только она покинет сказочную область детских мечтаний и ограничит свое изложение повествованием чисто психологического характера». Но шведская писательница, как показало «Удивительное путешествие Нильса...», вовсе не собиралась отказываться от избранной ею сказочной темы.

— Сказки правят жизнью,— заявила она в 1895 г.

Сельма Лагерлёф любила народные сказки своей родины, прекрасно знала сборники шведских народных сказок Гуннара Улофа Хюльтен-Кавалиуса и Георга Стефенса, а также Евы Вигстрём. Шарль Перро, Эдуард Лабуле и норвежские собиратели народных сказок Пер Кристен Асбьёрнсен и Йорген Ингебретсен Му давно значились среди любимых ею писателей, так же как авторы литературных сказок Ханс Кристиан Андерсен и Сакариас Топелиус, которому она посвятила целую книгу (1920). Сборник «Шведские народные предания»

Хермана Хофберга (1884) был ее настольной книгой, и можно даже предположить, что он-то и подсказал ей принцип деления учебника по областям. Хофберг систематизировал собранные им предания, соединяя в отдельные разделы предания из Сконе, Смоланда, Сёрмланда и т. д. Кстати, он, если можно так выразиться, «движется» с юга на север, как и Сельма Лагерлёф.

Как бы то ни было, она твердо решила написать свой учебник как сказку со сквозной фабулой. Этой цели она следует с первой и почти до последней из всех 600 страниц.

«Удивительное путешествие Нильса...» — произведение в значительной степени неоромантическое, написанное в духе шведской литературы того времени. Ведь в Швеции наряду с замечательными писателями, правдиво изображавшими современную им действительность и промышленный пейзаж Стокгольма начала XX века, такими, как Август Стриндберг и Яльмар Сёдерберг, были и художники-неоромантики, вроде Вернера фон Хейденстама, которые стремились уйти в мир фантазии и патриархальной старины. Для большинства из этих литераторов, детей разорившихся помещиков — поэтов Эрика Акселя Карлфельда, Густава Фрёдинга — капитализм обладал разрушительной силой, нес с собой опасность разорения столь любимой ими шведской деревни и патриархальных «дворянских гнезд». Но в своеобразном протесте отдельных писателей против капитализма заключался и элемент прогрессивный, патриотический. Патриотическое движение того времени в защиту шведской старины вызвало к жизни расцвет краеведения. Артур Хаселиус основал в Стокгольме Скансен — музей старинного деревянного зодчества и этнографии под открытым небом. На полотнах известных художников Андерса Цорна и Бруно Лильефорса, в музыке композитора Вильгельма Стенхаммара ожили народные сцены, мир животных, птиц и растений.

Сельма Лагерлёф, тесно связанная с реалистическим искусством Ханса Кристиана Андерсена, Сакариаса Топелиуса, Бьёрнстjerne Бьёрнсона и Чарлза Диккенса, любила старую патриархальную деревню, ей близки были некоторые идеалы неоромантиков. В романе «Сага о Йесте Берлинге» она мечтала воссоздать дух старины, счастливый покой беззаботных дней и прекрасный ландшафт родной провинции Вермланд.

В книге «Удивительное путешествие Нильса...» отдельные познавательные — географические, природоведческие и исторические — сведения прочно объединены, как того и добивалась писательница, сказочной фабулой. «Удивительное путешествие Нильса...» — несомненно литературная, авторская сказка, подчиняющаяся всем канонам этого жанра. В центре такой сказки, по словам австрийского литературоведа Кристи Фeдершпиль, находятся «человек и его проблемы. Действие вырастает из окружающего его в родном доме мирка. Герой — ребенок или молодая девушка, отношение которых к своей семье имеет большое значение». Авторская сказка Сельмы Лагерлёф объединяет жанры, главным образом, волшебной и анималистской сказки.

Волшебны история превращения самого Нильса и его полета по стране, история города Винеты, дудочки, выманивающей крыс из замка Глиммингехюс. В основе этих вымыслов, как и многих других, лежат произведения международного фольклорного репертуара, а также национальные шведские и немецкие сказки и предания. Встречаются здесь и рассказы о привидениях, распространенные в дворянских усадьбах Сёрмланда. Как всегда у этой писательницы (что идет от ее предшественников Андерсена и Топелиуса, а если заглянуть еще дальше, то и от скандинавского фольклора), сказка реальна и жизненно достоверна, она незаметно и непринужденно вплетается в национальный быт. В обыкновенной крестьянской горнице начала XX века с типичной

для южной Швеции обстановкой, включающей и портрет датского короля (Сконе прежде принадлежала Дании), появляется домовая с черной широкополой шляпой на голове, одетый, как и все домовые шведских народных преданий, в черный сюртук и панталоны. Впрочем, в отличие от обычных домовых этот поддерживает отношения с животными и птицами, принимает посланцев Акки из Кебнекайсе. Маленький Пер Ула и студент из Упсалы, а за ними сама Сельма Лагерлёф и музыкант Клемент Ларсон видятся с заколдованным Нильсом. Когда Клемент Ларсон рассказал своим землякам о встрече с Нильсом, его история была признана самой лучшей из всех, какие рассказывались в тот день, потому что старый музыкант сам, по словам слушателей, «принимал участие в сказке». И в начале книги все буднично и прозаично, кроме превращения Нильса в Мальчика-с-пальчика, наделенного острым зрением домового и говорящих животных. Реалистично описаны и переживания Нильса, впервые поднявшегося в воздух.

Вместе с тем книга необычайно занимательна, полна увлекательных приключений.

Много здесь и немислимых в реальной жизни положений, которые спасает только их сказочность. В когтях у медведя Нильс размышляет о горном деле в Швеции, о том, сколько пользы принесло людям железо. А гусь которого похитил лис Смирре, начинает гомерически хохотать, видя, что крошечный Нильс мчится следом за лисом. «Неужто этот малыш надеется меня спасти?» — думает гусь, извиваясь в зубах лиса.

В литературных кругах Швеции не раз повторяли ответ Сельмы Лагерлёф Альфреду Далину:

— Такой маленький, — спрашивал Далин писательницу о Нильсе, — а бежит наперегонки с Лисом?

— Мальчик ведь заколдован, — лаконично заметила она.

И волшебный город Винета, который раз в сто лет

поднимается со дна морского, живет обычной будничной жизнью. Там торгуют купцы, там заняты своими поделками ремесленники, там суетятся и спешат по разным делам горожане. Только одеты они в старинные одежды. И там, по словам Нильса, всё-всё как в старинной книге сказок. Да и условие избавления города от волшебных чар, от тяготеющего над ним проклятия также сказочно-традиционное: надо заплатить монетку и город будет освобожден.

Интересно и необычайно то, что Нильс как бы становится участником событий, о которых говорится в преданиях. Он попадает в заколдованный город Винету, осматривает его и разговаривает скупцами, торгующими в лавках. В «райском саду» он встречается с героем другого шведского предания, господином Карлом, образ которого как бы сливается с образом жестокой владелицы усадьбы Пинторн из сборника Хермана Хофберга. Иногда Нильсу рассказывает предания пастух, иногда аист или ворон, он слышит их от разных путников и прохожих.

Художественный метод Сельмы Лагерлёф отличается соединением сказочности с прозой жизни. Многие интересные истории, включенные в книгу, ведутся от лица писательницы и представляют собой как бы вставную новеллу. Как правило, Нильс становится равноправным участником зачастую сказочной, фантастической истории. Он спасает маленького Пера Улу, который, желая найти утку Ярро, плывет в утлом челноке по озеру. Он убивает змею, отравившую жизнь обитателям леса и в особенности лосою Серой шкуре, и т. д. Иногда Лагерлёф отдает Нильса как бы «напрокат» то аисту, то орлу, то ворону. Благодаря этому усиливается, с одной стороны, занимательность книги: мальчик переживает все новые и новые приключения. С другой стороны, он может видеть другие интересные области страны.

Книга «Удивительное путешествие Нильса...» близка

к сказкам, к преданиям и поверьям международного и национального, шведского фольклора. Так, в основе истории прекрасной подружки Мортена, дикой гусыни Дунфин, лежит сказка о заколдованной принцессе, принимающей облик лебедя (в данном случае — гусыни). История похищения Нильса сороками основана на народном поверии об этих птицах — любительницах серебра.

Чаще всего писательница переосмысляет сказки и предания, рассказывает их по-своему. Знаменитый международный сказочный мотив о ненависти злых сестер к доброй и прекрасной писательница переносит в мир птиц. Сестры прекрасной гусыни Дунфин злобно ненавидят ее. Однако среди птиц действуют те же сказочные законы борьбы добра, благородства, духовной красоты со злом, ненавистью, завистью, ревностью, коварством и внутренним уродством. Как и в народной сказке, сестры трижды чуть не сгубили гусыню Дунфин, но всякий раз ей помогают Нильс и Мортен.

Чудесно предание об Исэттерс-Кайсе, троллихе, посылающей страшные ветры. Это предание, возникшее в провинции Нёрке, где ветры свободно разгуливают по обширнейшей равнине, и взятое из сборника Хофберга; Лагерлёф также переосмысляет по-своему. Ее Исэттерс-Кайса своего рода Робин Гуд. Она расправляется с жадными и богатыми, берет под защиту бедняков, особенно детей. Правда, одновременно писательница создает и довольно сентиментальный рассказ о раскаянии жадного и жестокого богача.

Старое предание из Вестманланда о том, как некая мать из рода великанов делила владения между тремя сыновьями, также помогает воссоздать картину богатого рудой Бергслагена. Предание о великане из Скалунда насыщается у писательницы множеством бытовых подробностей, диалогами, портретными характеристиками и т. д.

Правда, некоторые народные предания (в основном из сборника Хофберга) лишь мельком упоминаются в книге. Они намечены как бы пунктиром и подчинены одной цели: показать достопримечательности отдельных областей и усадеб, куда попадает Нильс. Так, рассказывая о старинном замке в Сконе, писательница мимоходом упоминает героиню предания «Привидение во Фьелкинге» фру Маргарету Барнсков, которая, овдовев, правила усадьбой и всей округой. В главе о «райском саде» в Сёрмланде садовник предупреждает маленького Нильса, что он может встретиться с безжалостной владелицей замка Пинторп. А жестокость этой женщины писательница приписывает некоему господину Карлу, который так же наказан за свое бессердечие, как и она. Многочисленные великаны преданий, опубликованных Хофбергом, предстают у Лагерлёф в виде массивных каменных изваяний, усеявших побережье, или великанов-строителей, которые воздвигают гигантские каменные спуски к морю. Сказочница полностью пересказывает лишь предание о возникновении Смоланда, внося в него небольшие изменения. Не всю эту область сотворил господь бог. Частично это сделал святой Петр. Он-то и нагромоздил там множество скал, валунов, покрытых глиной гор, а все расщелины заполнил реками, озерами и болотами. Господь бог, рассердившись на святого Петра, создал и жителя Смоланда — быстрого, довольного, веселого, предприимчивого и умелого, способного добыть пропитание в своей бедной стране. Но писательница опустила предание о возникновении Сконе. И это вызвало возмущение многих реакционно настроенных церковников и педагогов, обиженных тем, что Смоланд был изображен бедным и некрасивым.

Значительное место в книге занимает сказка анималистская. Образ главного ее героя, лиса Смирре, связан во многом с животным эпосом, с анималистскими народными сказками. В них Лис, как и Смирре, всегда доби-

ваются своего с помощью хитростей. В книге множество животных и птиц.

Как в сказках ее литературных предшественников — Ханса Кристиана Андерсена и Сакариаса Топелиуса, — животные и птицы у Сельмы Лагерлёф наделены чертами людей. Тут и свободолюбивый лось Серая шкура, и преданная ему собака Карр, и мудрый ворон Батаки, и гордый орел Горго, и исполненная чувства собственного достоинства гусыня-вожак Акка из Кебнекайсе, непререкаемый авторитет для всех птиц и даже для орла Горго. Обитатели курятника и коровника — обыватели, которые судачат о несчастье, случившемся с Нильсом. Медведи похожи на добропорядочных супругов, они неустанно заботятся о своем потомстве.

Гуси, со всеми их гусиными обычаями и привычками, вместе с тем оказываются своеобразными гидами по Швеции. Они комментируют места, мимо которых пролетает стая.

— Поля и луга, поля и луга! — кричат они, пролетая над разделенной на квадраты Сконе. — Плодородная и хорошая земля! Плодородная и хорошая земля!

— Плуги и быки! Плуги и быки! — кричат они, пролетая над Эстергётландом.

Порой гуси предсказывают погоду и возвещают наступление нового времени года.

— Как дела с весной? — спрашивает встречная стая.

— Ни листочка на деревьях, и холодная вода в озерах, — слышат они в ответ.

А иногда гуси сами задают вопрос:

— Как называется эта усадьба? Как называется эта усадьба?

И петух, задрав голову, кричит:

— Усадьба называется «Малый Двор» в этом году, как и в прошлом, в этом, как и в прошлом!

Великолепен также монолог цепного пса, который в ответ на вопрос гусей, пролетающих над старинным

замком (это что за лачуга?), раздражается длинной речью и читает нечто вроде лекции о замке, в котором «служит».

— И это вы называете лачугой, бродяги вы этакие! Разве вы не видите, что это высокий каменный замок?

Особая роль в книге отводится лису Смирре. Если гуси летят по «карте» Швеции, и Акка из Кебнекайсе — «гид», то лис — своего рода «указка» на этой карте. Смирре гоняется за стаей Акки из Кебнекайсе по всей стране и, спасаясь от него, гуси залетают в самые неожиданные места. Это дает Сельме Лагерлёф возможность показать многие области страны.

Каждая птица в книге имеет свой характер, свое «лицо». Вежливое, подчас церемонное обращение друг с другом делает их похожими на людей определенного круга. Старую Акку птицы почтительно величают «Матушкой Аккой», аиста — «господином Эрменрихом». Между птицами существует как бы социальное неравенство. Сама Акка считает себя маленькой и незначительной, по сравнению с белоснежными лебедями, которые называют диких гусей «бедняками». Царственные лебеди горды и никогда не позовут никого на помощь, но вместе с тем могут с яростью накинуться на пришельца. Орел Горго никогда не нападает на гусей. Он помнит добро, которое принесла ему старая Акка. Животные и птицы могут быть столь же храбры, благородны и добры, как люди. Утка Ярро проявляет героизм, спасая других уток. Ее друг, пес Цезарь, страдает от разлуки с Ярро, но отпускает ее на волю. Ведь Ярро слишком хороша для подсадной утки. Лось Серая шкура пошел на единоборство с охотниками, на смерть ради спасения лосихи.

Не случайно многие истории, включенные писательницей в книгу, могут рассматриваться как хрестоматийные и читаться совершенно отдельно. Среди них история белки, утки Ярро, лося Серой шкуры и собаки Карра, орла Горго и Акки из Кебнекайсе.

Лагерлёф, несомненно, несколько идеализирует своих героев. Но, как писала А. И. Ульянова-Елизарова, «некоторая доля идеализации всегда не вредна в рассказе для юношества, а большую вдумчивость и интерес к жизни животных такой подход несомненно вызовет». Сказки Сельмы Лагерлёф о героизме, силе воли и благородстве некоторых животных и птиц не уступают рассказам Эрнеста Сетон-Томпсона о животных-героях. Пример этого — связанная внутренним единством со сказкой Андерсена «Гадкий утенок» история благородной утки Ярро или история героически погибшей сороки Фумле-Друмле. В связи с этим к Сельме Лагерлёф можно отнести слова А. И. Ульяновой-Елизаровой, сказанные ею о Сетон-Томпсоне и Лонге: «Их опыт жизнерадостен, они действительно любят природу, они живут с ней одной жизнью, всматриваются в ее краски, вслушиваются в ее звуки. Они прослеживают жизнь каждого маленького животного, они наслаждаются журчанием ручья или лесным шумом, они натываются постоянно на разные любопытные неожиданности, делают те или иные радостные открытия...»¹.

Сказочница проповедует любовь не только к людям, но и к животным. Так, она считает, что те, кто заточил в неволю белку-мать, должны стыдиться и людей и животных. Животные в сказке, кроме лиса Смирре, все время помогают друг другу. И Смирре, нарушившего мир на горе Кулаберг, изгоняют. Аист же Эрменрих настолько благороден, что даже извиняется перед Нильсом за то, что вначале недооценил его. Животные и птицы способны на высокую дружбу. Пример тому — дружба утки Ярро и пса Цезаря, лося Серой шкуры и собаки Карра, гусыни Акки с вороном Батаки и орлом Горго. У птиц, учит Лагерлёф, доброе и нежное сердце, они так же страдают за своих птенцов, как люди за своих детей,

¹ Цит. по ст.: Драбкина Е. Я. Сестра.— «Новый мир», 1970, № 8, с. 8, 57.

они уважают друг друга. Писательница призывает беречь и охранять природу, в частности озера и леса. Она рисует страшную картину лесного пожара.

Нильс Афцелиус считает основными чертами мировоззрения Сельмы Лагерлёф ненависть к насилию и стремление к милосердию. Не случайно в годы первой мировой войны писательница выступала ее яростной противницей.

— Доколе слова будут слетать с моего языка, доколе в сердце моем будет стучать кровь, буду я защищать дело мира,— торжественно поклялась она тогда. На антифашистских позициях стояла она и в 1930-е годы. Ее гуманизм в полной мере проявился в книге «Удивительное путешествие Нильса...»

В письме от 15 мая 1905 г. Сельма Лагерлёф выражала надежду, что это произведение будет «оригинальным и веселым, художественным в той же мере, что и учебным». Ее надежда сбылась. И когда чудесная книга о Нильсе «полетела» к читателю, она была воспринята как высокохудожественная, веселая и оригинальная сказка. Многие даже не знали, а те, кто знал, забыли о том, что первоначально это была книга для чтения, учебник географии. Быть может, поэтому интересно вспомнить, с чего все началось...

Как начинался полет

Сельма Лагерлёф задумала книгу «Удивительное путешествие Нильса Хольгерсона по Швеции» как учебник по географии для девятилетних детей, учеников первого класса, как своего рода книгу для чтения. Такая «Государственная книга для чтения» уже существовала в Швеции с 1868 г. Для своего времени она была даже новаторской, но к началу XX века безнадежно устарела. И хотя ее без конца исправляли, книга все равно перестала удовлетворять прогрессивных педагогов.

— Национальное бедствие! — так назвала учебник крупная общественная деятельница Швеции писательница Эллен Кей, заметившая также: в нем ничтожно мало личного, конкретного, живого, колоритного, красочного, всего того, что любят дети... Прежде всего здесь встречаешь множество назидательных рассказов. Среди них большинство совершенно не соприкасается с фантазией, чувством и жизненным опытом ребенка... Он справедливо не доверяет тусклой морали самоудовлетворенности и разумности пресмыкающегося. Мораль эта без конца вдальбливается ему в голову с помощью басни о собаке, которая слишком широко разевала рот и потому потеряла лакомую кость. В учебнике этом лишь переделаны для детей описания, которые предназначены для взрослых.

А новые времена выдвигали новые требования. В последней четверти XIX века в Швеции шел бурный расцвет промышленности, росли новые города, интенсивно развивались отдельные области, провинции страны. Все это вызывало особый интерес к родному краю, к родным

местам и непременно должно было найти отражение в учебнике географии. И тогда у одного из руководителей Всеобщего союза учителей народных школ Швеции и старшего преподавателя Альфреда Далина зародилась мысль: пусть педагоги и писатели, сотрудничая друг с другом, создадут новую школьную книгу для чтения. Далин всю свою жизнь и незаурядную свою энергию посвятил народной школе. Школа в Хюскварне, которой он руководил, стала образцовой, и слава ее перешагнула границы Швеции. Вместе с другим крупным деятелем народной школы Фритьофом Бергом Альфред Далин уже давно мечтал о том дне, когда шведские дети возьмут в руки новую интересную книгу о своей стране. Подобные произведения уже существовали в других странах. Своеобразным путеводителем по Голландии стала повесть американки Мэри Мейп Додж «Ханс Бринкер, или Серебряные коньки» (1865). В Финляндии крупнейший сказочник Сакариас Топелиус, горячо любимый Сельмой Лагерлёф, издал популярную «Книгу о нашей стране» (1875), где наряду со статьями о Финляндии и о ее народе встречались различные сказки и стихотворения. Но кто мог бы взять на себя подобную задачу в Швеции? Прежде всего — педагог. С другой стороны — человек, обладающий несомненным литературным талантом. Тут как нельзя более подходящим человеком оказалась бывшая учительница и талантливый автор замечательного романа «Сага о Йесте Берлинге» — Сельма Лагерлёф. Альфред Далин обратился к другу и будущему секретарю писательницы — Вальборг Уландер.

— Предложите Сельме, — сказал Далин, — написать учебник по географии для Шведского союза учителей.

Однако, по мысли Далина, написать эту книгу, обработав частично уже собранный этнографический и фольклорный материал, должны были, кроме Лагерлёф, еще и другие литераторы.

Предусмотрительный Далин послал даже писательнице план будущей книги, куда должны были войти:

Короткие рассказы, сказки и предания;

Эпические произведения, а также несколько мелких лирических стихотворений;

Несколько более длинных рассказов и сказок (например, 10 страниц из «Сказания об одной дворянской усадьбе» самой Сельмы Лагерлёф); несколько более поздних северных саг исторического содержания;

Описания озер, рек, лесов, полей и лугов.

Часть таких описаний должна была иметь форму рассказа и настроения сказки. Литературные же описания Швеции и ее народа следовало дать в духе отечественной демократической педагогики. «...Вся книга,— писал педагог,— излишне даже говорить об этом, должна быть проникнута народно-шведским настроением, так, чтобы исходным пунктом духовного роста ребенка могли бы стать лучшие и прекраснейшие его впечатления от шведской родины и шведской природы».

Лагерлёф заинтересовалась предложением Далина, что было далеко не случайно. Тут сыграли роль и убеждения писательницы, поклонницы шведской провинции с ее романтической природой и патриархальной стариной, и ее безграничная любовь к родной природе, глубокое знание ее. Истоки этого интереса таились, по словам шведского литературоведа Эрланда Лагеррота, «в восхищении шведскими провинциями и шведской природой в 90-х гг. XIX века».

Писательница, выросшая в усадьбе Морбакка, живя в городе, тосковала о полях, лесах и высоких горах. Вальборг Уландер пересказала однажды хвалебный гимн, в котором писательница воспела сельскую жизнь:

— Ведь никогда ничего не случается в городе. Все всегда случается в деревне. Там, как желанный освободитель, выпадает дождь, там жаркое горящее солнце вызывает беспокойство — а что будет с урожаем?

Вдохновение Сельма Лагерлёф всегда искала в Морбакке, а впоследствии в Фалуне, в провинции Даларна. Когда Морбакку предстояло продать за долги, она написала: «Какую радость мы испытываем от солнечного света или звездного неба, от весенних цветов или роскоши осени? Все это связано с Морбаккой. Если мы не останемся здесь, мы утратим истинное понимание природы». В биографии сказочницы, написанной для Комитета по Нобелевским премиям, говорилось, что еще совсем юной она, «сама почти не сознавая этого, берет от окружающей ее среды и от прекрасной природы, среди которой живет, множество поэтического материала, который позднее использует, в особенности в романе „Сага о Йесте Берлинге“». Незадолго до смерти, в 1936 г. Лагерлёф признается в одном из писем:

— Природа всегда была лучшим источником моего вдохновения.

Естественно, что писательница, любившая Швецию, символом которой был для нее Верmland с его чудесной природой, охотно согласилась принять предложение Далина. «Такой, глубоко укоренившейся в почве родины личности, как Сельма Лагерлёф, должно было показаться заманчивым дать живое поэтическое свидетельство своей любви к народу и к родине», — писал немецкий литературовед Вальтер Берендзон.

Однако, заинтересовавшись предложением Далина, писательница резко возражала против отдельных его частных частей.

— Ведь это мы — писатели — должны выдумать что-то новое, не правда ли? Ведь для другого мы не созданы, — заметила Сельма Лагерлёф.

«Она не склонна имитировать обычные представления о книгах для чтения, у нее свое мнение о том, как должна быть построена подобная книга», — написала учителю Вальборг Уландер. Прежде всего писательница решительно отказалась от соавторства. Либо она будет

писать книгу одна, либо не будет вовсе. «Уж если я берусь за какую-то работу, писала она, то должна ощущать и всю меру ответственности за нее. Чтобы книга получилась такой, какой мне хочется, мне кажется, я должна пустить в ход всю свою изобретательность и все свое искусство... И как ни приятно было бы потрудиться над этой книгой, я не могу принять Ваше предложение — работать в соавторстве. Выбирать откуда-то уже готовые рассказы может кто угодно, за исключением такого несчастного художника, как я. Хочется делать то, что по душе, что велит моя фантазия». Не понравился писательнице и план Далина, хотя план этот, как она не раз подчеркивала, пробудил ее фантазию и заставил без конца думать о будущей книге. Педагоги согласились: пусть Сельма Лагерлёф работает над книгой без соавторов. Но заняться ею вплотную она смогла лишь летом 1904 г.

Размышляя над предложениями Далина, писательница задумала несколько учебников, рассчитанных на школьников различных классов. Книге для школьников первого класса предстояло оживить географию родной страны и вызвать в ребенке любовь к Швеции. Школьникам второго класса — дать книгу по истории Швеции. В третьем и четвертом классах — предложить детям описание чужих стран, изобретений и открытий, а также некоторые сведения об обществе, в котором они живут.

Самое же любопытное — то, что, казалось бы, несбыточный проект Сельмы Лагерлёф был мало-помалу осуществлен литераторами. «Удивительное путешествие Нильса...» было первым в задуманной серии. Об истории Швеции написал для школьников «Шведы и их вожди» Вернер фон Хейденстам, а о путешествиях и чужих странах — Свен Хедин в книге «От полюса до полюса». Для себя Сельма Лагерлёф оставила географию Швеции, решив дать маленькому читателю ясное представление о родной стране и ее народе. «Мысленно,— пи-

сала она 22 ноября 1901 г.—я задавала самой себе вопрос: что должен в первую очередь знать ребенок, о чем должен иметь свежее, живое представление? И ответ, само собою разумеется, напрашивался: первое, что должны узнать малыши, это — их собственная страна.

В детстве я не знала о Швеции ничего, кроме того, чему учила меня краткая география и ничего не говорящая карта. Теперь же необходимо оживить карту и, так сказать, развития воображения малышей ради, заселить ее лесами и озерами, полями и лугами, деревнями и замками, усадьбами и городами...

Тем самым, по-моему, я уже имею исходный пункт, твердую почву, на которой можно строить...»

Живую картину Швеции Лагерлёф собиралась также нарисовать по-своему.

«Попытаюсь дать описание всей страны, одной местности за другой, а также их обитателей начиная от лапландцев и кончая жителями Сконе. Животные и растения также войдут сюда... Насколько это доступно девятилетним детям, их ознакомят с жизнью в шахте, в лесу, в Финмарке и Лапландии, в крестьянской усадьбе, да и на фабрике и в городе тоже, с рыболовством, с охотой и сплавом леса. Разумеется, включить все города невозможно, но хотя бы несколько наиболее типичных. Не пройдем мы также мимо церквей и дворянских усадеб; и вообще вспомним все те места, которые представляют исторический интерес, или же те, где богато и могуче расцветает современная жизнь». Однако писательница предупреждала, что не собирается утомлять маленьких читателей одними описаниями. Ей хотелось создать веселую и развлекательную книжку. «Надеюсь, что смогу описать мою страну с помощью мелких локальных рассказов. Я собираюсь прибегнуть,— писала она,— ко всевозможным мелким рассказам, взятым отовсюду — из преданий и народных песен, от охотников и скиперов, из истории и естествознания, у поэтов

и новеллистов. Но все должно сводиться к определенной области, к определенному месту». Принцип мозаики не устраивал писательницу. По ее мнению, книге не следовало быть собранием разных отрывков, вроде книги Топелиуса. Как педагог, она считала, что ребенку вредно перескакивать с одной темы на другую. Как писатель, хотела, чтобы каждый раздел был звеном единого целого. В конце концов, Лагерлёф заметила:

— Ряд вещей можно, разумеется, описать не преобразуя их в художественное произведение, но для большинства это было бы необходимо.

Из писем и высказываний писательницы явствует, что она категорически отвергла готовые хрестоматийные рассказы для своей книги. И несомненно, задумала цельное художественное произведение.

Отказавшись от соавторства и предложив Всеобщему союзу учителей народных школ Швеции свой план, писательница дала понять, что не отказывается от сотрудничества с союзом. Ведь ей понадобится и много специальной литературы и материалы по народной жизни Швеции, а для сравнительного анализа — учебники из других стран. Кроме того, в каждой области страны могут обнаружиться не известные ей предания. И здесь мог бы помочь Далин. Если он заинтересует новым учебником учителей народных школ, те смогут прислать нужные материалы.

Далин принял план писательницы и был счастлив, что наконец-то сбудется его мечта о новом учебнике. Он предвидел, что книга Сельмы Лагерлёф будет неопенима для шведской народной культуры.

8 и 9 января 1902 г. был подписан контракт на создание книги. Он состоял из 16 пунктов. Важнейшие из них гласили, что книга разрабатывается писательницей согласно плану, изложенному в письме к Альфреду Далину от 22 ноября 1901 г. Описание желательно начать с северных областей страны. Издатели поставляют пи-

сательнице и материал для книги — т. е. учебники других стран, записи шведских сказок, предания и песни, собранные ранее, еще не записанные предания и рассказы о событиях и людях, а также подробные описания профессий и промыслов.

Предполагаемый объем учебника был 200 страниц.

Альфред Далин немедленно взялся за работу. Руководствуясь пожеланиями Сельмы Лагерлёф, он составил для учителей народных школ опросные листы. Ему хотелось получить описания земледелия, рыболовства, охоты и лесных работ; описания образа жизни в хижинах новопоселенцев, в церковных подворьях и рудниках; сказки и предания, рассказы о примечательных жизненных судьбах и т. д. Летом 1902 г. опросный лист разослали учителям народных школ. Далин установил контакты, можно сказать, со всей Швецией, с самыми отдаленными ее уголками. Он писал сотни писем, вел обширнейшую переписку со множеством корреспондентов, среди которых были не только учителя. Постепенно ему удалось собрать значительный запас этнографических и фольклорных материалов со всех концов Швеции. Здесь были сказки и предания Энгерманланда, записанные кузнецом П. Эдхольмом из Эриксфорса, и описание смолокурения в лесах Норланда, сделанное учителем П. А. Линдхольмом из Вэннэса. Инспектор народных школ в Гётеборге Я. Алин прислал предания области Сконе. Интереснейшие описания Вермланда поступили от служащего Северного музея Н. Кейланда, а описание жизни девушек из Даларны — от Ю. Сунделль, жены учителя народной школы в Ратвике. Сбор материалов для учебника стал общенародным делом, что, по мнению Альфреда Далина, не могло не вдохновить Сельму Лагерлёф. Присланные записи, зачастую очень неприятательные, были отмечены любовью к Швеции. Далин и Берг систематизировали материалы по разделам: «Описания путешествий и туристские поездки»,

«Обычай и образ жизни», «Предания, сказки, песни и т. п.», «История» и т. д.

Лагерлёф заканчивала в это время большой роман «Иерусалим». В конце ноября 1902 г. она поинтересовалась, как идет сбор материала. «Любопытнее всего увидеть то, что Вам удалось получить от школьных учителей,— писала она Далину.— Я жду, что эти материалы окажутся самыми лучшими». Из письма явствует: писательница по-прежнему мечтала о цельном художественном произведении, а не о собрании отдельных хрестоматийных рассказов и отрывков. Мысли ее обращались к отечественному фольклору: «Во время путешествия в Италию я буду думать о форме книги, которая действительней всего помогла бы вложить премудрость о нашей стране в эти маленькие головки. Возможно, старые предания помогут нам... И потому-то мне хотелось бы начать с просмотра тех материалов, которые Вам удалось получить». Но заняться норландскими, и особенно заинтересовавшими ее вермландскими, записями Лагерлёф удалось лишь во второй половине 1903 г. В конце июля она сообщила Далину, что каждую свободную минуту просматривает учебники и народные предания. Особое ее внимание привлек давно любимый сборник Хермана Хофберга. Но все это были лишь предварительные занятия. Даже в июне 1904 г. Лагерлёф жалуется Далину: «До сих пор работа над учебником убедил меня, пожалуй, лишь в том, как мало мы знаем о нашей стране; правда, быть может, мне следовало бы сказать: как мало знаю о ней я. Читаю что придется по геологии, зоологии, ботанике, истории! Все науки так немислимо шагнули вперед с тех пор, как я окончила школу!» О ее чувстве ответственности за свое произведение говорят заключительные строки письма: «Хотя учебник для девятилетних детей не должен быть какой-то там ученой книгой, но и ошибок, тем не менее, в нем быть не должно».

Однако только чтения книг, старинных преданий и прочих фольклорных и этнографических материалов показалось писательнице недостаточно. Уже давно собиралась она совершить путешествие по Швеции. Ей хотелось самой взглянуть на те места, где будет разграваться действие ее книги, пополнить свои знания географии, карты Швеции, которую она с самого начала предполагала «оживить». Летом 1904 г. она посетила некоторые области — Блекинге, Смоланд, Норланд, а на Фалунском руднике спустилась даже в шахту. Она как бы заново открывала для себя родную страну, изучала связанные с каждой областью предания.

Вернувшись домой, Лагерлёф снова села за работу, но не могла найти главное — то, что сцементировало бы отдельные описания и рассказы. Идея использовать местные предания как основу книги вызывала сомнение у нее самой. Слишком мало нашла она неизвестных преданий да и сказок тоже, а вставлять в учебник знакомые не хотела. Писательница вспоминала прекрасные предания и сказки детства, придирчиво отбирала лучшие из них. Сказка о доврской ведьме! Но она уже вошла в роман «Сага о Йесте Берлинге». Сказки о троллях и великанах! Но их хорошо знают шведские дети по школьным хрестоматиям. Сказка о дочерях великана из сборника Хофберга может подойти для рассказа о месторождении шведской руды. Назвать такую главу можно будет «Сказка о Фалунском руднике». Но сказка сказкой, а забывать об основной цели книги нельзя. Лагерлёф снова и снова принималась изучать географию, ботанику, геологию и историю Швеции. Так прошли 1904 и зима 1905 г. Но ведь нельзя и без зоологии! А сколько чудесных птиц — диких гусей, лебедей, уток гнездятся на озерах и реках Швеции! В лесах бродят гордые лоси, крадутся хитрые лисицы «Может, показать птиц и животных на фоне какого-нибудь ландшафта? Ведь сделал же это Редьярд Киплинг, поместив маленького

Маугли среди диких зверей», — думала писательница. Да, книга английского писателя Киплинга, в которой мальчик Маугли проводит жизнь в джунглях, подсказала ей весной 1905 г. смелое решение. «Среди всех моих исканий и попыток сделать описания холмов и болот, берегов и гор привлекательными для девятилетних детей мне пришли в голову анималистские книги английского писателя Киплинга, — сообщила Лагерлёф Далину. — Не знаю, читали ли Вы их. Я почти желала бы, чтобы Вы их не читали, дабы у Вас не было предмета для сравнений. Между тем именно его (Киплинга. — Л. Б.) пример соблазнил меня попытаться, поместив животных в какой-то ландшафт, оживить его». Отложив в сторону истории о великанах и троллях, писательница начала населять ландшафт говорящими и действующими животными. Другие литературные источники подсказали ей мотив путешествия с гусиной стаей. Она вспомнила не только Маугли, но и мальчика Пера, героя повести знаменитого шведского писателя Августа Стриндберга «Путешествие Счастливого Пера». В своих странствиях он встречался с говорящими птицами и животными. А в сказке «Неизвестный рай» шведского же писателя Рихарда Густафсона, ученика датского сказочника Ханса Кристиана Андерсена... Да, да, там мальчик из Сконе даже летал с птицами по всей Швеции! И у самого Андерсена в его путевом очерке «По Швеции» есть мотив путешествия с птичьей стаей. Правда, Лагерлёф, хорошо знавшая первые сборники сказок Андерсена, говорила: «Все остальные его произведения мне незнакомы».

Возможно, писательница не прошла и мимо животного эпоса «Роман о Лисе», известного в Швеции в переводе 1621 г. Однако, каковы бы ни были источники и связи книги «Удивительное путешествие Нильса...» с фольклором и художественной литературой — произведение это создано творческой фантазией Сельмы Лагер-

лёф, оно—плод ее глубоких раздумий и огромного труда.

Решив заселить шведский ландшафт птицами и животными, писательница с облегчением вздохнула. «Книга обрела для меня совсем другой смысл теперь, когда мне кажется, что она получается, поэтому я не собираюсь бросать ее, пока не выйдет что-нибудь стоящее»,— писала она. Творческие поиски завершились осенью 1905 г. воображаемой «поездкой» в Морбакку, где после «встречи» с Нильсом Хольгерсоном, встречи, рожденной творческой фантазией писательницы, сложился окончательный замысел будущего произведения. Форма для патриотического произведения о Швеции была найдена.

Вернувшись в Стокгольм, Лагерлёф снова принялась за книгу. Но теперь работа спорилась, «красная нить» повествования была найдена. Да, решено! Она покажет Швецию глазами мальчика, маленького Нильса Хольгерсона, путешествующего вместе с гусиной стаей. И эта мысль оказалась просто гениальной.

Осенью Лагерлёф написала Далину, который ожидал книгу в мае, что для завершения ее понадобится еще одна зима: «Зато могу рассказать Вам, что весной у меня появился план, своего рода великолепная идея, которая поможет мне теперь написать книгу. Я сама по-настоящему счастлива этим и почти наверняка уверена, что и Вы будете довольны». Она не хочет показывать начатую рукопись Союзу учителей, боится спугнуть вдохновение. Тем более, что, отступив от первоначального плана, Лагерлёф начала книгу с описания южной провинции Сконе, а вовсе не Норланда, как собиралась раньше. При всей своей скромности она считала, что достигла уже такого уровня мастерства, при котором может и сама судить о качестве своего произведения и ради пользы дела отступить от первоначального плана.

Только в мае 1906 г. писательница послала первые сто страниц книги «Удивительное путешествие Нильса...» издателям. Она сама отмечала, что первая часть, посвященная Сконе, оказалась непропорционально длинной. Далин и Берг внимательно читали рукопись, делая свои пометки и замечания. Одновременно обсуждалось и заглавие и стиль. Писательницу консультировал известный шведский лингвист Адольф Нурен, постоянным переписчиком рукописи была Вальборг Уландер. В подготовительном комитете книгу для чтения думали назвать «Книга о Швеции». Лагерлёф с самого начала хотела, чтобы это было «Удивительное путешествие по Швеции». Такое название, по ее мнению, составило бы хороший контраст фантастическому описанию. Далин и Берг предлагали такие названия, как «На спине птицы по Швеции» или «Страна детских мечтаний». В конце концов, было принято название «Удивительное путешествие Нильса Хольгерсона по Швеции», и 24 ноября 1906 г. первый том книги начал путь к читателю. Еще раньше Лагерлёф решила разделить книгу на два тома. Она рассчитывала, что ей удастся закончить второй том осенью 1907 г. Но еще в апреле сказочница написала Далину, что дело почти не движется, мешают личные неприятности, известия о болезни и смерти родных и друзей. Путешествие за границу в мае и июне несколько отвлекло ее от мрачных мыслей. Но потом, поселившись снова в своем домике в Фалуне, Лагерлёф начала вдохновенно работать. В это время она написала одной молодой приятельнице, что призвание писателя требует сверхчеловеческого труда. В конце октября Лагерлёф радостно сообщила Далину:

— Книга, вероятно, будет готова в этом году. Она движется гигантскими шагами к завершению. Дикая гуси, живые и здоровые, уже в пути на юг.

Заканчивалась книга в большой спешке, и комитет с трудом справлялся с корректорскими обязанностями.

Однако профессор-зоолог Густав Культхофф успел по просьбе Сельмы Лагерлёф просмотреть второй том и исправить некоторые огрехи по части зоологической.

В декабре 1907 г. второй том книги «Удивительное путешествие Нильса Хольгерсона по Швеции», как и предполагала писательница, лег на прилавки книжных магазинов.

Полет Нильса начался.

Нильс Хольгерсон и шведская критика

«Сага о Йесте Берлинге» и «Удивительное путешествие Нильса Хольгерсона по Швеции» принесли Сельме Лагерлёф заслуженную славу. В 1907 г. ей была присуждена степень доктора Упсальского университета, а в 1909 г.— Нобелевская премия. Она сказала:

— Не знаю, заслуживаю ли я этой премии. Писать всегда было для меня величайшим наслаждением, целью всей моей жизни.

50-летие сказочницы отмечалось в 1908 г. в Швеции как народный праздник. Ее буквально засыпали цветами и подношениями.

Куда девались все цветы?
Кто разорил оранжереи?
Во всей стране не сыщешь ты
Ни лилии, ни орхидей,—

писал анонимный автор стихотворения, напечатанного в одной из шведских газет.

Чествовали Сельму Лагерлёф и в Финляндии, где она побывала в 1912 г., перед тем как поехать в Россию.

Писательница принимала участие в общественной жизни своей страны. Не принадлежа ни к одной из политических партий, она ратовала за эмансипацию женщин, поддерживала их в борьбе за избирательные права, за признание личной свободы и независимости. Горячо выступая на мировом конгрессе женщин в Стокгольме в 1911 г., она призывала гуманно относиться к людям. Лагерлёф выступала также в защиту культуры,

против войны и написала антимилитаристский роман «Изгнанник» (1918).

В одном из интервью, оценивая свое творчество, писательница сказала:

— Вечерами, когда я сижу здесь, в Морбакке, и вспоминаю все, что мной создано, меня радует одно, в чем я абсолютно убеждена. Я никогда не создала ни единого произведения, которое принесло бы вред человечеству.

Любопытно, что вокруг имени Сельмы Лагерлёф уже в начале XX века начала складываться легенда. Ее называли самой счастливой женщиной в мире. Ее жизнь сравнивали с триумфальным шествием.

Были и попытки превратить писательницу в несложную, добрую сказочницу с общепризнанным истинно христианским образом мыслей. «И эти попытки нанесли ей вред значительно больший, нежели критическое доброжелательство. Из нее хотели сделать гипсовый бюст», — писал Нильс Афцелиус. Книги Сельмы Лагерлёф выходили огромными тиражами и мгновенно раскупались, их дарили на рождество и к конфирмации, ими премировали отличившихся детей. Но слава эта имела также свою оборотную сторону. В Швеции складывалась легенда о доброй и безобидной сказочнице Сельме Лагерлёф.

— Горечь и отрицание ей абсолютно чужды, — сказал как-то о писательнице шведский литературовед Фредрик Бёк.

«Книги ее, — писал Афцелиус, — считали не только добрыми, но и безопасными. Добренькие сказки для добреньких детей. Было твердо установлено, что она — великая рассказчица, наивная, простая, безыдейная». Между тем даже «Сага о Йесте Берлинге», которую тот же Афцелиус называл — «самая примечательная книга дебютантки», которая когда-либо издавалась в Швеции, пробудив интерес и восторг одних, вызвала удивление

и сопротивление столь же многих и не была распродана за несколько лет. Многие критики, единодушно признавая своеобразие историй, включенных в роман, сомневались в их правдивости, намекали на глупость автора книги. Известный историк литературы профессор Карл Варбург даже писал, что книга эта — «неудавшееся попури из фантастических мечтаний, талантливых, подчас почти гениальных описаний, с одной стороны, неестественностей в действии, в стиле и — ужасающей наивности — с другой».

Понадобилось несколько лет, чтобы «Сага о Йесте Берлинге» получила признание. Оно пришло неожиданно, совсем из другой страны. Крупнейший датский критик Георг Брандес, рецензируя перевод книги, появившийся в 1893 г. на датском языке, с похвалой отозвался о замечательном своеобразии ее сюжета и оригинальности изложения. Многие критики, и в первую очередь Брандес, отмечали особенность мира, изображенного в книге «Сага о Йесте Берлинге», его оторванность от политической, художественной и литературной жизни. «Все люди здесь заняты исключительно крупными переменами в их собственной жизни, своими страстями и раскаянием, своими пиршествами и балами, своею честью и позором, своими забавами и трудами, своей гордостью и искуплением, унижением и возрождением», — писал критик. И хотя действие романа относится примерно к 1820 г., кажется, что все эти события происходили в старину.

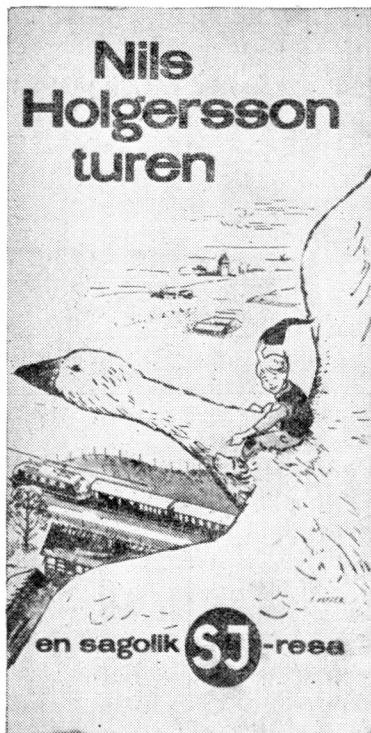
Трудная судьба выпала и на долю книги «Удивительное путешествие Нильса...» Тем не менее критические отзывы на нее развенчивают еще один миф о Сельме Лагерлёф — миф о безобидной и доброй сказочнице.

Первые рецензии были очень хорошими. После появления книги в ней, как нечто само собой разумеющееся, отмечалось: как и во всяком учебнике географии, писательница рассказала здесь о «земле, растениях и

животных» Швеции. Постепенно понятие о двуплановости книги, о ее географической и сказочной стороне стерлось и теперь лишь изредка мелькает в отдельных работах Вальтера Берендзона, Элин Вэгнер, Гуннель Вейдель, Августа Густафсона и т. д. Писатель Тур Хедберг увидел там выражение мужества, оптимизма, любви к жизни. Лагерлёф обращается, по его словам, к ребенку «с бескорыстной и ясной речью безымянной сказочницы, которая не желает ничего другого, кроме как нести сказку все дальше и дальше, ничуть не искажив ее», из рода в род. Критики отмечали, что под волшебным пером писательницы все школьные предметы — география и геология, история, ботаника и зоология — все становится сказкой. Одна из рецензий называлась даже: «Революция в нашей педагогике». Отмечали и патриотизм творения шведской писательницы.

Критик Торстен Фогельквист сказал о ее книге:

— У Сельмы Лагерлёф сказка становится лишь соч-

Обложка брошюры, рекламирующей железнодорожное путешествие по маршруту Нильса Хольгерсона, устроенное для детей в связи с 50-летием выхода книги в свет

ным травянистым ковром со множеством алых цветов, которые, конечно, покрывают ковер, но которые благодаря красоте своей зовут и манят изучить землю, способную вырастить и носить на себе такое...

В этом удивительном путешествии, по мнению критика, сказка и действительность, увлекательность и полезность, художественный образ и мудрость ученого сплетаются в яркую картину родины писательницы, оживляют ее.

Фредрик Бёк написал восторженную и весьма любопытную статью о всей книге: «Сельма Лагерлёф, отказавшись от призвания учительницы, дабы свершить поэтический подвиг, вернула себя Нильсом Хольгерсоном школе. Но ее школа еще важнее обычной. К ней в школу шведские дети будут ходить много лет в будущем, и одно поколение за другим будет жадно внимать устам, которыми глаголет простая и глубокая мудрость сказки. Потому что она слила воедино задачу поэта и задачу учителя...»

Одновременно книга подверглась мелочной критике. Авторы отдельных статей отмечали, что многое в ней не предназначено для детей и что многочисленные стаи птиц, изображенные в книге, слишком однообразны. Некоторые находили также у писательницы чересчур много сказочного, фантастического: «Конечно, сказка имеет большое значение в воспитании ребенка. Она дает подходящую пищу его фантазии. Но разум, чувство и воля также должны получать необходимую пищу для своего развития». Некоторых критиков рассердил язык писательницы, его зачастую разговорная форма, и Карл Госландер назвал его «мессопотамским». Критик Й. Л. Саксон смог сказать об этой книге лишь одно: «Вообще бездетная женщина никогда не сможет постигнуть глубины детской души». По его мнению, Лагерлёф хочет держать «детей народа» на низком культурном уровне. «Отвратительная мораль, которую мы назовем моралью

драки в отличие от морали права и любви, красной нитью проходит по всей книге», — писал он.

Однако «Удивительное путешествие Нильса...» подверглось и более серьезным нападкам. «Сейчас кажется странным, что „Удивительное путешествие Нильса Хольгерсона“ пробудило жестокое сопротивление», — писал Афцелиус. Действительно, первый том книги вызвал резкие нападки зоологов и орнитологов, в особенности Эйнара Лёнберга. Сама Лагерлёф оценила эти выпады в письме к Далину от 30 июня 1907 г. довольно трезво и спокойно: «Статья Лёнберга вызывает досаду. Разумеется, она причинит большой вред, но мне кажется: он стреляет мимо цели. Многие замечания справедливы, однако среди них есть и чисто мелочные придирки и такие, что сделаны лишь ради того, чтобы придраться. В целом гнев его пробудили не столько обнаруженные им ошибки, сколько сама попытка фантастично и весело писать для детей». Вскоре профессор Густав Культхофф устранил ошибки во втором томе. Тем не менее критики, специалисты в разных отраслях науки и патриоты отдельных шведских провинций осыпали писательницу упреками. Как же! Ведь ей не удалось описать Смоланда, Вестергётланда и Халланда! Ведь она забыла озеро Венерн и город Гётеборг! Даже в 1954 г. шведский географ Гуннар Йонсон обвинил «Удивительное путешествие Нильса...» в «весьма слабом контакте с научным исследованием» и в необычайной наивности с точки зрения географической. Ученого возмутила вера Лагерлёф в то, что «улитка может обитать в стоке воды на одной из самых мелких шхер Бохуслена» и что в обычно засушливой провинции Нёрке идет дождь и т. д. Йонсона возмутило, что у писательницы нет университетских знаний по географии.

Особенно враждебно встретили книгу церковники, реакционные педагоги и так называемые «патриоты Смоланда». Церковник Габриельсон напал на «Удиви-

тельное путешествие Нильса...» за то, что оно написано «без цели и без плана». Ужасным нашел он рассказ о боге и святом Петре, рассказ, где «грешный человек был посажен рядом с богом». И безапелляционно решил:

— Книги Сельмы Лагерлёф не следует рекомендовать для чтения детям.

Церковник У. Пфафф, собрав школьный совет в Сканёре, доложил:

— Некая учительница младшего отделения народной школы позволила себе читать детям вслух из этой книги, которую следует заклеить как вредную и пагубную.

Епископ Эклунд из Карлстада объявил:

— Популярность Сельмы Лагерлёф можно расценивать как деградацию педагогов вообще и шведских читателей в частности.

Многие школы отказались покупать «Удивительное путешествие Нильса...», ибо там рассказывалось о заколдованном мальчике и говорящих животных. Ведь некоторые педагоги считали, что детям вредны истории, будящие страх и фантазию. Доктор Хенрик Берг усмотрел в книге лишь «странное смешение историй о домовых и описаний ландшафта». Его окончательный приговор гласил: «Господа Альфред Далин и Фритьоф Берг несут ответственность за то, что такая ложь, такая клевета в книге для чтения предлагается к неизмеримому вреду для Швеции шведским детям, пребывающим в том возрасте, когда они наиболее восприимчивы и неспособны к критическому чтению. Будь у меня власть, а желание у меня есть, «Удивительное путешествие Нильса Хольгерсона» ни одного дня не использовалось бы как учебник, прежде чем «Сказка о Смоланде» не была бы удалена из этой работы либо не была бы полностью переработана».

Многие консервативные школьные деятели, выступившие в защиту старого учебника, были возмущены

тем, что Лагерлёф нарисовала Смоланд бедным и «некрасивым». Доктор Берг, «патриот Смоланда», в восторженных тонах хвалил его природу. «Прекраснейшее украшение короны Швеции»,— назвал он Смоланд. И удивлялся, в самом ли деле бывала писательница в области, которую «так чернит»? Жителей Смоланда, по его мнению, также незаслуженно оскорбили. «Таких доброжелательных, гостеприимных, великолепных людей, какими в большинстве своем являются жители Смоланда, надо поискать». «Сельме» не под силу правдивое описание подобной провинции. Это может «сделать только тот, кто не рожден в Морбакке». Особенно возмущало «патриотов Смоланда» выражение «мрачнейший Смоланд». Писатель Эрик Окерйельм заметил:

— Разве Смоланд не красив? Если Смоланд «мрачная» страна, то я не знаю, какими глазами смотрели на нее?! Да, я знаю, ее не видели вовсе...

В защиту книги выступил Далин, объяснив, что задачей писательницы было дать девятилетним детям понятие о разных ландшафтах Швеции, «а для этого надо было каждый ландшафт обрисовать резкими контурами».

В 1916—1917 гг. Вальборг Уландер, которую Сельма Лагерлёф называла самой верной опорой «маленького Нильса в его долгом и трудном путешествии по Швеции», опубликовала со слов писательницы ее ответ критикам после выхода книги в свет: Лагерлёф сказала, что сравнила «скупой» Смоланд и его бедное трудолюбивое население с более счастливой по своим природным данным Сконе. Сами жители обеих областей прекрасно понимают это различие, и множество народных преданий свидетельствуют об этом. При чтении в школе надо объяснить детям, что жители Смоланда и Сконе всегда дразнили друг друга и что глава «Сказка о Смоланде» — рассказ жителя Смоланда Матса, который хочет

рассердить жителя Сконе — Нильса. Вообще же писательница, как известно, с самого начала иронически отнеслась к нападкам на «Удивительное путешествие Нильса...» В письме к своей приятельнице Иде Бэкман в мае 1912 г. она заметила: «...чтобы завоевать уважение моих литературных современников, мне придется написать книгу, которую никто не захочет читать. Неэтично быть популярной и писать добрые книги, как это делаю я».

Именно популярность, доброта, яркая художественность и занимательность книги, кочевая жизнь Нильса, его приключения, «мобильность» породили своего рода шведскую «нильсиаду», подражания знаменитой писательнице. Одним из наиболее известных был шуточный рассказ шведского же писателя Рейнхольда Эриксона «Железнодорожник Лабан» — о встрече Нильса со знаменитой куклой железнодорожником Лабаном. В начале XX века кукла эта с помощью одного веселого железнодорожного служащего разъезжала по всем железным дорогам Швеции. Некоторое влияние оказал герой Сельмы Лагерлёф, «гусенавт», на создание образа Карлсона, героя знаменитой трилогии Астрид Линдгрен «Малыш и Карлсон, который живет на крыше», «Карлсон опять прилетел», «Карлсон появляется тайком». В новую эпоху развития техники пропеллер открывает перед Карлсоном возможность летать над крышами большого города — Стокгольма — так же, как его предшественнику Нильсу путешествие верхом на спине гусака Мортена позволило увидеть широкую картину мира.

Посланник Швеции

— Множество новых чудес может произрасти из того чуда, что всемирно знаменитый поэт расточил все запасы своей фантазии и своего искусства на учебник для малышей,— говорила в 1906 г. шведский критик Клара Юхансон.

После первого чуда — появления книги Сельмы Лагерлёф — случилось новое чудо: маленький Нильс облетел мир.

После первого издания «Удивительное путешествие Нильса Хольгерсона по Швеции» начали переводить на иностранные языки. Уже в 1906—1907 гг. книгу прочитали в Финляндии, в 1906—1908 гг. в Дании, в 1907 г. в Англии и в США, в 1907—1908 гг. — в Германии. Затем маленький герой в красном колпачке прилетел во Францию, в Грецию, в Эстонию, Голландию, Италию и многие другие страны. Когда же в 1918 г. книга достигла Японии, в одном из парков ее столицы Токио воздвигли памятник Нильсу Хольгерсону и гусаку Мортену.

Чудесная книга Сельмы Лагерлёф переведена примерно на 40 языков мира. Только на немецком языке с 1908 по 1956 г. насчитывается около 40 ее изданий — примерно 7 000 000 экземпляров, не считая публикации отрывков. Швейцарский литературовед Беттина Хюрлиманн, автор работы «Европейская детская книга за три столетия», считает, что Нильс Хольгерсон, как и герой итальянского писателя Карло Коллоди — Пиноккио — обладал всеми качествами, которых требуют педагоги, и захватил, однако, сердца детей.

Обложка корейского издания

— Почему это произошло? — спрашивает Хурлимани.

И отвечает:

— Потому что в книге Сельмы Лагерлёф совсем рядом, рука об руку с педагогикой и географией шла сказка.

В Англии и во Франции также существует более десяти изданий творения шведской писательницы. Французский критик Люсьен Мори написал в 1912 г.: «Разве найдется на свете такая страна, которая не позавидовала бы «Удивительному путешествию», изданному в Швеции?»

По книге Сельмы Лагерлёф в датских и американских школах изучали шведский язык. «Удивительное путешествие Нильса...» породило и своеобразную зарубежную «нильсиаду». Его двуплановость вызвала к жизни, с одной стороны, — учебники, с другой — художественные произведения. В Германии, во Франции отрывки из книги читали в школах. В Испании была также сделана довольно искусная ее обработка для школьников. По образцу этой книги были созданы многие зарубежные школьные учебники. В 1911 г. в Праге появился учебник Элиаша Тобиаса Тисовского, явно навеянный шведской сказочницей. И назывался он «Удивительное путешествие проказника Петра с дикими гусями». За чешским учебником последовала в 1930 г.

французская книга для чтения «Мальчик-с-пальчик Жак и аист Клап в стране Франсуазы». Ее автор Антонин Фрэс указывал в предисловии, что его книга — подражание Сельме Лагерлёф. Появившаяся в том же 1930 г. немецкая книга для чтения, сочиненная Элизабет Вальтер, «Чудесное путешествие Шмидледика с цыганами» — также вариация произведения шведской сказочницы.

Летающие герои есть и в ставших всемирно известными повестях-сказках английского писателя Джеймса Барри о Питере Пэне и Памелы Трэверс о Мэри Поппинс. Немецкая пролетарская писательница 20-х годов Лиза Тетцнер утверждала, что именно «Удивительное путешествие Нильса...» послужило ближайшим прототипом ее книги «Пойдем бродить по свету!» И повесть-сказка американского писателя Эптона Синклера «Гномобиль», несомненно, связана с эпопеей Сельмы Лагерлёф. Подобно тому, как книга шведской писательницы стала поэтическим и сказочным путеводителем по Швеции, так повесть Синклера — своего рода путеводитель по буржуазной Америке.

Можно сказать, что полет Нильса Хольгерсона в дальние страны на чужеземных языках и жизнь его в новых превращениях являются величайшим его приключением. И потому-то так справедливы слова шведского исследователя Гуннара Альстрёма:

— Нильс удивительно и совершенно естественно стал маленьким посланником своей страны. Для многих зарубежных читателей его описание поразительных местностей на севере стало вдохновляющим источником знаний о Швеции... Сельма Лагерлёф, разумеется, и не предполагала, что в будущем он станет выполнять подобную миссию. Это международное признание — немалый дар, преподнесенный ею своему народу.

Об этом же говорила шведская писательница и литературовед Элин Вэгнер:

— Нильс Хольгерсон стал представителем Швеции во всем мире... Его победоносное путешествие по всему земному шару помогло распространить сведения о Швеции и завоевать нам друзей. Даже наши генеральные консулы, которые стремились расширить наш экспортный рынок, считали, что путь им проложил Нильс Хольгерсон, а шведские путешественники в отдаленнейших частях света благоденствовали благодаря тому, что приехали из страны Нильса Хольгерсона.

— Вы в Швеции даже не знаете, каким сокровищем обладаете. У вас есть это произведение, любимое детьми всего мира... — писала Лиза Тетцер.

Австрийский поэт и драматург Гуго фон Гофмансталь однажды написал: «Как один из многих, кто читал вслух своим детям о путешествии Нильса Хольгерсона с дикими гусями, я хотел бы от имени этих многих поблагодарить ее (Сельму Лагерлёф.— Л. Б.) за радость, которую подарило это путешествие».

Вскоре после своего появления на свет Нильс прилетел и в Россию, где уже был свой летающий герой — «Лягушка-путешественница» В. М. Гаршина. В 1912 г. в России побывала сама Лагерлёф. Она хорошо знала произведения Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева и в 1909 г., когда ей вручали Нобелевскую премию, назвала своими учителями великих русских писателей.

Жила она в Петербурге, в семье динамитного короля Альфреда Нобеля, и хозяйка дома сопровождала писательницу в Москву. Посетив Третьяковскую галерею, Лагерлёф высоко оценила русское искусство. А ее литературный талант рано отметил А. М. Горький. Сравнивая Сельму Лагерлёф с итальянской писательницей Грацией Деледда, А. М. Горький сказал в 1910 г.:

— Смотрите, какие сильные перья, сильные голоса!

У них можно кое-чему поучиться нашему брату-мужику!¹

В 1912 г. С. Груздев в статье «Что читать детям рабочих», напечатанной в газете «Правда», рекомендовал им произведения шведской писательницы².

Книги Сельмы Лагерлёф, как и многих других скандинавских авторов, стали известны в России в самом начале XX века. Это было связано, как отмечал и известный русский критик Ю. А. Веселовский, с возросшей ролью скандинавской и особенно норвежской литературы во всем мире³.

«Вот уже более 50 лет,— говорилось в 1909 г. в журнале «Нива»,— как новые викинги Ганс Андерсен, Генрик Ибсен и их собратья: датские, норвежские и шведские писатели завоевывают все более и более широкий круг читателей»⁴.

Популярность скандинавской литературы в России была связана также с деятельностью таких замечательных переводчиков, как А. В. и П. Г. Ганзен, М. П. Благовещенская и В. Спасская.

В 1903 г. критик Л. Уманец написал, что шведская литература в настоящее время — лучшая из скандинавских литератур, а Сельма Лагерлёф — одна из выдающихся шведских писателей. По его мнению, роман «Сага о Йесте Берлинге» обладает неизъяснимой прелестью, хотя талант Сельмы Лагерлёф наиболее ярко проявляется в мелких произведениях, а не в крупных⁵.

¹ Цит. по ст.: Дейч А. Сельма Лагерлёф.— В кн.: Лагерлёф С. Сага о Йесте Берлинге. М., 1958, с. 400.

² Груздев С. Что читать детям рабочих.— «Правда», 1912, 25 дек.

³ Веселовский Ю. А. Литературные очерки. Т. 2. М., 1910, с. 365, 369.

⁴ Фиорды. (Художественная литературная Скандинавия). — «Нива», 1909, № 13, с. 260.

⁵ Уманец Л. Скандинавские мистики. — «Русская мысль», 1903, июль, с. 133.

Критик О. Петерсон рассказывал о необыкновенном успехе книг шведской писательницы, в особенности ее романа «Чудеса антихриста», в Европе.

— Неясно, к какой школе она принадлежит,— заметил критик.— Это талант оригинальный и яркий и притом вполне национальный и самобытный... Среда Лагерлёф проста и ясна... Искони укоренившиеся устои и традиции, тишина и неподвижность жизни, свойственные местечкам, удаленным от больших и шумных центров, создают среду, в которой долго сохраняются простота и чистота нравов.

Однако Петерсон тут же делает выводы, что писательница эта весьма характерна для своего времени.

— Воспитанная в строгой школе реализма последнего периода европейской литературы вообще и скандинавской в особенности, Сельма Лагерлёф... обнаруживает большую склонность в сторону вновь нарождающегося романтизма. Реальной школе она, несомненно, обязана своей строгой правдивостью и верностью изображения характеров и бытовой жизни, хотя при этом она и остается совершенно чужда крайностей так называемого натурализма. Романтизм же ее литературного темперамента ясно сказывается в ее несомненном стремлении в область легенды и предания ¹.

В начале XX века Лагерлёф оставалась для русских читателей известной шведской писательницей, чьи портреты печатались во многих журналах. А подписи к этим портретам рекомендовали ее даже не столько как автора «Саги о Йесте Берлинге», сколько романов «Чудеса антихриста», «Иерусалим» и многочисленных рассказов.

Литератор К. Норов отметил в 1905 г., что имя Сельмы Лагерлёф все чаще и чаще мелькает среди имен иностранных авторов, чьи произведения усердно переводятся на русский язык и столь же усердно читаются

¹ Петерсон О. Сельма Лагерлёф.— В кн.: К свету. Спб., 1904, с. 183, 186, 189, 201.

публикою. Тем не менее это казалось ему несколько странным. Ведь шведская писательница «рисует мало, кажется, понятный нам мир шведского крестьянства». Однако, пытаясь честно разобраться в причинах ее популярности, критик приходит к выводу: «Талант писательницы сумел в этом маленьком мирке найти и изобразить такие черты, которые глубоко интересуют всякого интеллигентного читателя, будь он швед, русский, поляк, немец».

При всей правильности выводов Норова, его заметка, одна из первых в России, грешит некоторыми фактическими ошибками. В частности, там говорится о том, что Георг Брандес посвятил Сельме Лагерлёф целую книгу. Кроме того, знаменитые слова шведского поэта и критика Оскара Левертина об этой писательнице также ошибочно приписаны Брандесу:¹

— Сельма Лагерлёф представляет собой самую удивительную литературную аномалию из всех, какие я знаю. То, что казалось навек устаревшим, она обновила; тому, что считалось давно пережитым и похороненным, она вновь дала жизнь, поразившую всех.

Кстати сказать, статьи Брандеса и Левертина, опубликованные в России в 1906 и 1907 гг., немало способствовали ознакомлению русской публики с творчеством выдающейся шведской писательницы. Брандес помог понять основное направление «Саги о Йесте Берлинге». Левертин справедливо отмечал нежность Сельмы Лагерлёф, ее восторженную любовь к людям, животным, цветам².

В том же русле написана небольшая заметка в отделе заграничной хроники «Сельма Лагерлёф и сага».

¹ Норов К. Сельма Лагерлёф и сага.— «Вестник литературы», 1905, № 13, с. 298—299.

² Брандес Г. Сельма Лагерлёф. — В кн.: Брандес Г. Собр. соч., т. 2. Спб., 1906; Левертин О. Сельма Лагерлёф.— «Северные сборники», 1907, с. 103.

Анонимный автор заметки отмечает три основных качества шведской сказочницы: необыкновенную силу воображения, дар плавного изложения и богатство чувств, любовь ко всему живущему на земле¹.

В 1908 г. Россия узнала и знаменитую сказку Сельмы Лагерлёф — в переводе Л. Б. Хавкиной появился на русском языке первый том этой книги под названием «Чудесное путешествие мальчика по Швеции». В 1909 г. последовал перевод второго тома. Большого впечатления на читателей России книга эта, если судить по прессе того времени, не произвела. В появившихся после ее выхода в свет статьях и заметках о Сельме Лагерлёф этому произведению не уделялось ни малейшего внимания. По-прежнему говорились какие-то общие фразы о том, что в романе «Сага о Йесте Берлинге» реализм переплетается с фантастикой, что от произведений шведской писательницы веет чем-то радостным и светлым². О книге же «Удивительное путешествие Нильса...», как впрочем и много позднее, не говорилось ни слова или говорилось очень мало³. Перевод 1908—1909 гг. удостоился лишь одной рецензии. Рецензент В. Величина рассматривала только географическую сторону книги. В. Величина говорила о том, что Сельма Лагерлёф подробно и любовно описывает родную страну, что горы и реки оживают в ее художественных рассказах и «читатель получает полное представление о характере и насе-

¹ Сельма Лагерлёф и сага. — «Вестник иностранной литературы», 1906, янв., с. 283.

² Сельма Лагерлёф. — В кн.: Оскар Норвежский. Литературные силуэты. Спб., 1909, с. 124.

³ Андреева О. О произведениях С. Лагерлёф.—«Мир», 1911, № 1—2; Колтоновская Н. А. Женские силуэты. Спб., 1912; Жизнь в произведениях Сельмы Лагерлёф. Спб., 1913; Антифашистские писатели мира. Сельма Лагерлёф.—«Иностранная литература», 1937, № 12; Смерть Сельмы Лагерлёф.—«Иностранная литература», 1940, № 3—4.

лении этой своеобразной страны, сохранившей еще в целости древний, сказочный элемент»¹.

Возможно, неуспех книги «Удивительное путешествие...» в России можно объяснить ее переводом — очень неточным, а в трудных местах порою граничащим с пересказом. Некоторые реалии, которые вводит переводчица («гном» вместо «домовой»), транскрипция имен собственных и т. д. заставляют предположить, что перевод сделан не со шведского, а с немецкого языка.

Надо сказать, что книге «Удивительное путешествие Нильса...» в России с переводом не повезло. Не повезло потому, что ее не коснулась рука таких замечательных переводчиков со скандинавских языков, как А. В. и П. Г. Ганзен, которые в конце XIX — начале XX века подарили русским читателям целую библиотеку скандинавской литературы.

В 1910 г. в полном собрании сочинений Сельмы Лагерлёф (т. IV—V) появился новый перевод книги «Удивительное путешествие Нильса...», сделанный А. Кайранским и М. Барсуковой, а в 1911 г. — новый анонимный перевод (оба, как принято считать, также с немецкого языка). В 1934 г. в Тарту вышел на русском языке сильно сокращенный перевод Б. Соловьева. В переводе этом также много неточностей, купюр, есть элементы контаминации. Приходится согласиться с критиком Уманцем, который еще в 1903 г. писал: «Чтобы находить удовольствие в произведениях Лагерлёф, их надо читать в полном виде, без пропусков; они значительно теряют в кратких извлечениях, и самая фабула настолько фантастична, что не поддается пересказу»².

¹ Величина В. Сельма Лагерлёф. Чудесное путешествие мальчика по Швеции. — «Современный мир», 1909, № 8, с. 153.

² Уманец Л. Скандинавские мистики, с. 135.

Нильса встречают дети

Когда «Удивительное путешествие Нильса Хольгерсона по Швеции» вышло в свет и вокруг него начались ожесточенные споры, писательницу больше всего интересовало мнение тех, кому была предназначена книга — мнение детей. С огромной радостью принимала она доказательства того, что школьникам книга понравилась, что у детей под ее влиянием вырос интерес к отечественной географии и к чтению. «...Они, вероятно, станут нашими лучшими защитниками», — писала она Альфреду Далину о школьниках. А в другом письме с уверенностью заявила:

— Пока детям весело читать эту книгу, она будет побеждать.

Когда в июне 1907 г. критические нападки стали особенно невыносимыми, писательница со свойственной ей решительностью выразила надежду, что «ради блага самих малышей книга все же победит». Лагерлёф очень любила «Удивительное путешествие Нильса...» и впоследствии писала: «Верно, это очень глупо: сидеть за письменным столом и давать оценку своему собственному произведению. Но оно («Удивительное путешествие Нильса...» — Л. Б.) мне нравится и настолько, что я лщу себя надеждой: оно понравится и другим». Любовь и верность своей книге и Нильсу Хольгерсону Сельма Лагерлёф сохранила на всю жизнь. Ее друг — педагог и писатель Янна Отердалъ — приводит один любопытный эпизод. В середине 1910-х годов в Морбакке жил мальчик лет пятнадцати. Сельма Лагерлёф очень заботилась о нем, потому что мальчика звали так же,

как и ее любимого героя — Нильс Хольгерсон. Когда же он впоследствии уехал из Швеции, она, при всей своей необычайной занятости, находила время писать своему любимцу письма. На всю жизнь запомнил Нильс Хольгерсон прощальные слова Сельмы Лагерлёф:

— Когда уедешь, помни, куда бы тебя ни забросила судьба и как бы тебе ни пришлось туго в жизни, здесь, в Морбакке — твой дом.

Любовь писательницы к детям оказалась взаимной. А надежды ее, что судьба Нильса непременно встретит отклик в детских сердцах, — не напрасными. Уже вскоре после выхода в свет первого тома, 4 декабря 1906 г., Альфред Далин послал Сельме Лагерлёф телеграмму, в которой от имени 600 детей возглавляемой им народной школы в Хюскварне поблагодарил ее за «Удивительное путешествие Нильса...» Книга сразу попала в руки тех, кому была предназначена, в руки школьников. Уже в один из апрельских дней 1907 г. писательнице сообщили, что около двух тысяч классов в шведских народных школах читают про Нильса.

В письмах маленькие современники обращались к Сельме просто по имени. Она была для них своей, а Нильс — живым существом. «Мне восемь лет, и я путешествую вместе с дикими гусями», — писал ей Хельге Вос Ирлех 8 марта 1907 г. Дети глубоко переживали приключения Нильса и, когда вышел первый том, захотели узнать, что будет с Нильсом дальше. Об этом спрашивали писательницу и девочки из второго класса народной школы, нарядившие куклу под Нильса, и маленький Хеннинг Брусе, которого больше всего интересовало, найдет ли Нильс свой башмак? А Ханна Деннинг настойчиво допытывалась у писательницы: жив ли еще Нильс? Самым веселым учебником назвал книгу Лагерлёф мальчик Кристер С. «О, как эта книга научила меня любить Швецию! Я знала, что это прекрасная страна, но что Швеция так прекрасна, я не думала», —

писала, прочитав «Удивительное путешествие Нильса...», Вальборг Б.

О том, как читали и воспринимали несколько позднее эту книгу школьники, дают представление слова нашей современницы, шведской писательницы Астрид Линдгрэн, которая родилась в 1907 г.:

— Нильса Хольгерсона я любила ребенком. Поразительно, что это прежде всего учебник по шведской географии! Правда, все фактические сведения казались мне скучными и ненужными. И ярким переживанием книга эта стала для меня благодаря кочевой жизни Нильса Хольгерсона с дикими гусями.

В день пятидесятилетия Сельмы Лагерлёф, 28 ноября 1908 г., дети Швеции чествовали ее как автора книги «Удивительное путешествие Нильса...» Писательница получила сотни писем от маленьких шведов. В ответ она посылала своим юным читателям такую, несколько сентиментальную открытку: «Мальчик из Сконе встречается во время путешествия со множеством опасностей: звери лесные и птицы небесные едва в состоянии его защитить. Я, породившая на свет этого бедняжку, рада всякому маленькому его другу, который предоставит ему убежище, спрячет его в глубине своего сердца». К каждой открытке была приложена плитка шоколада, выпущенного ко дню рождения сказочницы. На ярких обертках красовались эпизоды из жизни Нильса с дикими гусями. На другой стороне плитки стояла цитата из книги. Многие из маленьких корреспондентов вновь обратились к Сельме Лагерлёф с письмом, благодаря ее за открытку и за шоколад. А одна из поздравивших ее девочек писала 10 декабря 1908 г.: «Спасибо за плитку шоколада, которую я получила. Интереснее всего было бы увидеть, как Нильс сидит у гусака на спине. А на моей плитке гусака Мортена похищают, я все как следует разглядела».

Писательницу очень радовал интерес детей к ее лю-

Сельма Лагерлёф. Фотография 1916 г.

бимому творению, их письма и многочисленные рисунки¹.

— А все эти послания от детей, которые я получила в благодарность за Нильса Хольгерсона! Они так трогательны. Книга эта, как видно, в самом деле отвечает вкусу детей,— сказала писательница 9 декабря 1908 г.

Из одной шведской школы прислали коллективное письмо с самыми восторженными словами об «Удивительном путешествии Нильса...»

— Так весело слышать,— воскликнула она тогда,— что школьники горячо принимают Нильса Хольгерсона, так приятно слышать, что он сохраняет над ними власть!

Когда Сельме Лагерлёф вручали Нобелевскую премию 1909 г., писательница в своей речи сказала, что она «в долгу перед школьниками, которые своими каракулями выразили ей благодарность за Нильса Хольгерсона».

С годами любовь к Нильсу у шведских детей не остыла. И они получают все новые и новые издания любимой книги. А с 1950 г. Объединение шведских библиотек ежегодно вручает медаль Нильса Хольгерсона за лучшую книгу для детей. Такую медаль получила и Астрид Линдгрэн и многие другие известные детские писатели страны.

Однако Нильс очаровал не только Швецию и шведских школьников, но и читателей всего мира. Более того, книга о Нильсе Хольгерсоне превратилась из школьного учебника в одно из классических произведений мировой литературы. Когда вышел первый том, мальчик из Финляндии Гуннар Юхансон в письме от 6 февраля 1907 г. просил «тетушку Лагерлёф» поскорее написать второй

¹ На выставке 1956 г. в Королевской библиотеке в Стокгольме было экспонировано 57 детских писем из скандинавских стран и Финляндии, 58 детских писем из других европейских стран и США, а также 60 шведских и зарубежных детских рисунков («Нильс Хольгерсон глазами детей»), посланных Сельме Лагерлёф.

том. Петер Хиршфельд из Германии писал 11 апреля 1910 г., что произведение Сельмы Лагерлёф прекраснее всех, которые ему до сих пор довелось прочитать. «Когда я вырасту,— заканчивает он свое письмо,— мне тоже, наверное, захочется написать такую книгу о Германии».

Под влиянием приключений Нильса маленькие жители Швейцарии пожелали как можно больше узнать о животном мире своей родной страны, а маленькие австрийцы непременно захотели навестить Сельму Лагерлёф в Швеции.

В последние годы популярности Нильса сильно способствовала экранизация книги. Кстати, на экране Нильс Хольгерсон впервые появился в Советском Союзе, когда в 1956 г. был снят цветной мультфильм «Заколдованный мальчик».

Но еще раньше советские дети узнали замечательную книгу Сельмы Лагерлёф в свободном пересказе литераторов З. М. Задунайской и А. И. Любарской. В конце 1930-х годов, тщательно изучив «Удивительное путешествие Нильса...», З. М. Задунайская и А. И. Любарская свободно пересказали его для советских детей. В 1940 г. появилось на русском языке «Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями»¹. С тех пор книга выдержала еще несколько изданий (1941, 1959, 1969 и 1973), причем последние были дополнены главами «В медвежьей берлоге», «Вороны с Разбойничьей Горы» и «Удачник и Неудачник»².

Книга З. М. Задунайской и А. И. Любарской, разумеется, сильно отличается от своего первоисточника. Прежде всего, она значительно меньше по объему (примерно в шесть раз). Пересказано в основном начало первого тома и конец второго. Кроме того, советские

¹ Лагерлёф С. Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями. М., 1940.

² Лагерлёф С. Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями. Л., 1973.

литераторы отказались от воспроизведения познавательной, географической стороны этой эпопеи, делающей ее учебником для шведских школьников. Сохраняя отдельные поэтические описания шведской природы, З. М. Задунайская и А. И. Любарская воспользовались главным образом сказочной сюжетной линией книги — волшебной и анималистской. Они свободно пересказали историю превращения Нильса Хольгерсона в крошечного человечка, историю его путешествия по Швеции и возвращения домой. В своей работе литераторы руководствовались детскими впечатлениями от книги Сельмы Лагерлёф, как и А. Н. Толстой в повести «Приключения Буратино», когда пересказывал «Приключения Пиноккио» Карло Коллоди. Но З. М. Задунайская и А. И. Любарская значительно ближе к своему первоисточнику, нежели А. Н. Толстой. Они сохранили сказочный сюжет, лишь несколько видоизменив его. Так как географическая, а отчасти психологическая сторона произведения выпали, повисло в воздухе основное условие — чтобы вернуть свой прежний облик, Нильс должен сохранить здоровым и невредимым гусака Мортена. В пересказе колдовские чары рассеются, если наряду с двумя другими условиями какое-нибудь живое существо согласится занять место Нильса, что и делает гусенок Юкси. Изменены и некоторые мотивировки (например, почему торговый город опустился на дно морское), а также имена. Гусь Мортен превратился в Мартина, гусыня Дунфин в Марту. Домыслены отдельные истории, например, история белки и т. д. Книга превратилась в сказочную повесть.

В целом художественный пересказ З. М. Задунайской и А. И. Любарской интересен и полезен, так как только благодаря ему советские дети смогли ознакомиться с этим шедевром мировой литературы, созданным Сельмой Лагерлёф. Об этом свидетельствуют многочисленные отзывы детей нашей страны. Почти каждый из 52 ребят, приславших отзывы в издательство «Карелия»

в Петрозаводске, в Ленинградский Дом детской книги, в библиотеки Ленинграда, отмечает, что сказка «очень понравилась». А Таня Абрамова в своем восторженном послании в издательство «Карелия» пишет: «У меня есть друзья, мы вместе читаем ее (книгу Сельмы Лагерлёф. — Л. Б.), и им она очень понравилась». Ученица 3-го класса Лена Волкова настоятельно просит выпустить такие книги еще. Редактор издательства «Карелия» К. Ф. Ведюкова вспоминает такой эпизод. Мать девочки, лежавшей в больнице, умоляла прислать сказку Сельмы Лагерлёф. Раньше у девочки было «Чудесное путешествие Нильса...», она почти не выпускала книгу из рук, с ней просыпалась и засыпала. Но в больнице повесть затерялась. Девочка так огорчалась, что стала хуже себя чувствовать. Мать больной просила срочно выслать «Чудесное путешествие Нильса...». Ей казалось, что любимая книга поможет дочке выздороветь.

Большинство детских писем содержит пересказ текста. Однако в отзывах некоторых детей пересказ сочетается уже с элементами анализа. Ученик 2-го класса Валерик Суетников пишет: «В этой книге говорится о том, что какой-то эпизод в жизни изменяет человека, его характер». Но, разумеется, чаще пытаются анализировать книгу дети постарше. Так, ученица 5-го класса Ира Маневич делает вывод: «Испытания научили Нильса быть смелым, честным и верным своему слову. Больше всего мне понравилось то, что книга написана живо, захватывающе, в ней много художественных сравнений и образов. Но самое большое достоинство ее, по-моему, заключается в том, что она учит добру, лучшим человеческим качествам: умению дружить, приходить друг другу на помощь, умению отличать настоящих друзей от врагов, смелости, честности, храбрости, трудолюбию, верности слову и долгу». Шестиклассник Суар Эйюби пишет, что в этой сказочной повести ощущаются и юмор, и тревога за будущее героя.

Письма детей, посвященные Нильсу, обычно очень эмоциональны. «Читая эту книгу, — говорит Суар Эйюби, — я переживал за ее крохотного героя, я представлял себя на его месте и мне становилось не по себе... Но я вырос из этой книги, как из «Бабы-яги». К тому же, — откровенно признается мальчик, — она не подходит к моему характеру. Будучи маленьким, я не дергал kota за хвост вообще не увлекался проказами. Но зато я не упускал случая почитать». «Я очень люблю сказки, — пишет ученица 7-го класса Нина Журавлева. — Читая эту книгу, я очень увлеклась содержанием и представила себя на месте героя». Живо и непосредственно переживает события сказки ученица 3-го класса Лена Разумихина. Ей было очень смешно, когда она прочитала, как Нильс получил затрещину и полетел кубарем в угол, как гусь Мартин шлепал мокрыми листьями по лицу Нильса. Зато ей стало жалко Мартина, уставшего от долгого полета, и Нильса, искусанного муравьями. Девочка всячески одобряет поступки Нильса: «Хорошо, что Нильс посадил на цепь лиса Смирре! Молодец Нильс, что спас маленького бельчонка!» Ученик 5-го класса Алексей Аксенов горячо советует всем детям прочесть замечательную сказку Сельмы Лагерлёф. Ученица 6-го класса Аня Чавчавадзе также считает ее необычайно интересной. «Я перечитывала эту книгу с громадным удовольствием! Путешествие Нильса, правда, чудесное. Когда читаешь о нем, то не оторваться... За эту книгу мне хочется сказать автору ее спасибо!»

Любопытно, что детей «Удивительное путешествие Нильса...» чаще привлекает не волшебной, сказочной своей стороной, а приключенческой. Очень немногим ребятам понравились главы «Волшебная дудочка» и «Подводный город». Зато большинство маленьких читателей отмечает увлекательность книги, обилие приключений. «С Нильсом, — пишет семиклассница Лена Михеева, — происходят очень интересные приключения, которые по-

могут ему исправиться. Вначале Нильс был грубым, лентяем, а потом стал хорошим и прилежным мальчиком». Эту «эволюцию» Нильса отмечают многие ребята. Ученица 3-го класса Оля Юденкова серьезно рассуждает: «Сначала Нильс был злой и жестокий. Он обижал тех, кто был слабее его. Издевался над животными: даже маленького гнома он посадил в сачок. И за это гном превратил Нильса в маленького человечка. С этих пор начались его приключения. Нильса сразу же стали обижать... В путешествии с Мартином он понял, как плохо быть маленьким и беспомощным, когда тебя все обижают...

Испытав на себе все несчастья, он стал делать добро».

О том, как перенесенные испытания помогли Нильсу стать «добрым, смелым, послушным», «честным и справедливым человеком», пишет Марина Брызгалова.

Детей восхищает дружба Нильса с животными, их постоянная помощь друг другу. «Мне понравились Нильс и Мартин,— пишет третьеклассница Таня Сарапова.— Мартин — за то, что он всегда заботился о Нильсе. А Нильс за то, что он всегда помогал друзьям». «За время долгого путешествия,— пишет ученик 2-го класса Олег Граблевский,— Нильс и Мартин становятся друзьями. Чтобы спасти жизнь Мартина, Нильс готов на всю жизнь быть маленьким. Этот поступок Нильса говорит о том, что Нильс стал хорошим мальчиком. Нильс больше не будет обижать животных и птиц». «Чудесное путешествие Нильса...» учит ценить дружбу,— таков вывод из многих отзывов.

Дети интуитивно поняли, какую роль в исправлении Нильса сыграла гусыня Акка. Они отмечают ее ум, мудрость, доброту и справедливость. Ученик 4-го класса Сережа Дозоров пишет: «Эта гусыня умна, как человек. Она очень осторожная». И неожиданно добавляет: «Я хочу, чтобы было продолжение этой книги». Сереже оказалось доступным понимание истинной гуманности. «Даже став маленьким человечком,— говорит он,—

Нильс все равно делал поступки, которые мог сделать только большой человек».

Ребята всегда и всецело на стороне добра и справедливости, против зла и произвола. Костя Митрофанов заключает свой отзыв словами: «Тут появился гном и сказал, что колдовство кончилось. Нильс стал прежнего роста. Так добро победило зло». Третьекласснику Мише Константинову пришлось по душе хороший конец сказки, но не понравилось, «что Юкси остался на всю жизнь маленьким».

Доступно некоторым детям оказалось в какой-то степени и понимание художественной стороны эпопеи Сельмы Лагерлёф и ее аллегоричности. Ученику 4-го класса Алексею книга нравится тем, «что она просто и ясно написана. В ней показано коварство людей на примере лиса Смирре». Пятиклассник Андрюша Бутенко обратил внимание на то, как увлекательно описывает сказочница шведскую природу и перелет Нильса с дикими гусями.

Заканчивая свое письмо, Ира Маневич говорит:

«Когда закрываешь последнюю страницу книги, жаль расставаться с ее героями и хочется сказать: «Счастливого пути тебе в жизни, мальчик Нильс! Успехов тебе и удачи твоим друзьям!»

И в таких искренних пожеланиях — залог долгой жизни книги Сельмы Лагерлёф. Маленький Нильс по-прежнему летает верхом на белоснежном, красноклювом гусе. И летает не только по Швеции, но и по всему миру. Ведь книгу о нем читают дети и взрослые всего земного шара.

Оглавление

«Встреча» с Нильсом Хольгерсоном	5
Возврат в прошлое. Рождение замысла	8
«Сказочная» география или «географическая» сказка	18
Как начинался полет	52
Нильс Хольгерсон и шведская критика	66
Посланник Швеции	75
Нильса встречают дети	84

Людмила Юльевна Брауде
ПОЛЕТ НИЛЬСА

Издательство «Книга»
Москва, К-9, ул. Неждановой, 8/10.

Типография № 4
Союзполиграфпрома при
Госкбмиздате СССР.
ул. Маркса — Энгельса, 14.

Редактор Э. Б. Кузьмина
Художественный редактор
Н. Д. Карандашов
Технический редактор
Н. И. Аврутис
Корректор
М. И. Жильцова

А 11168. Сдано в набор 4.VI.1974 г.
Подписано к печати 11.XI.1974 г.
Формат бум. 70×103¹/₃₂
Бум, № 1.
Усл. печ. л. 4,2. Уч.-изд. л. 4,09.
Тираж 30.000 экз. Изд. № 1211,
Заказ 558, Цена 18 коп.

Цена 18 коп.